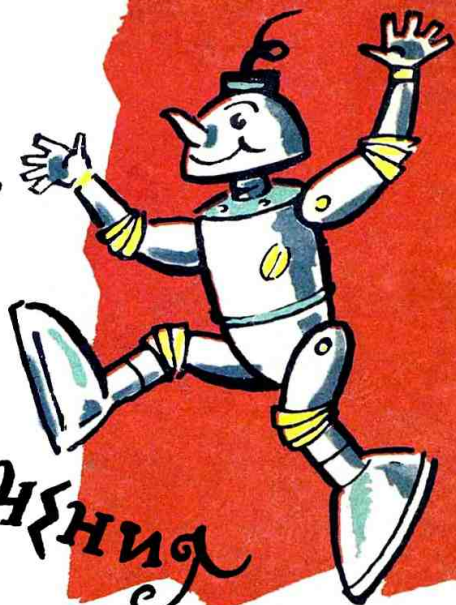

Марчелло
Арджилли,
Габриэлла
Парка

Приключения
Гвоздика

ДЕТГИЗ 1960

Детские Книжки
vk.com/wean_books

осударственное

здательство

етской

итературы

Министерства

Просвещения

РСФСР

МАРЧЕЛЛО АРДЖИЛЛИ,
ГАБРИЭЛЛА ПАРКА

Викторина

ПЕРЕВОД С ИТАЛЬЯНСКОГО
В. ДАВИДЕНКОВОЙ И Т. СКУЙ

Ленинград 1960

ГВОЗДИКА

Рисунки
Г. КАЛАУШИНА

Сказка «Приключения Гвоздика», написанная двумя итальянскими писателями — Марчелло Арджилли и Габриэллой Парка, — полна самых неожиданных приключений. Это история железного мальчика, доброго и отзывчивого Гвоздика (таким сделал его старый одинокий учёный Пилукка).

Механический мальчик всячески сопротивляется злым намерениям жадных богачей, стремящихся использовать его чудесную силу во вред простым людям и за работать на этом большие деньги.

Гвоздик остаётся верным помощником своих маленьких друзей: бездомной девочки Перлины (по-итальянски её имя значит: жемчужинка), трёх беззащитных лилипутов — Нанó, Нанé, Нанí — и других.

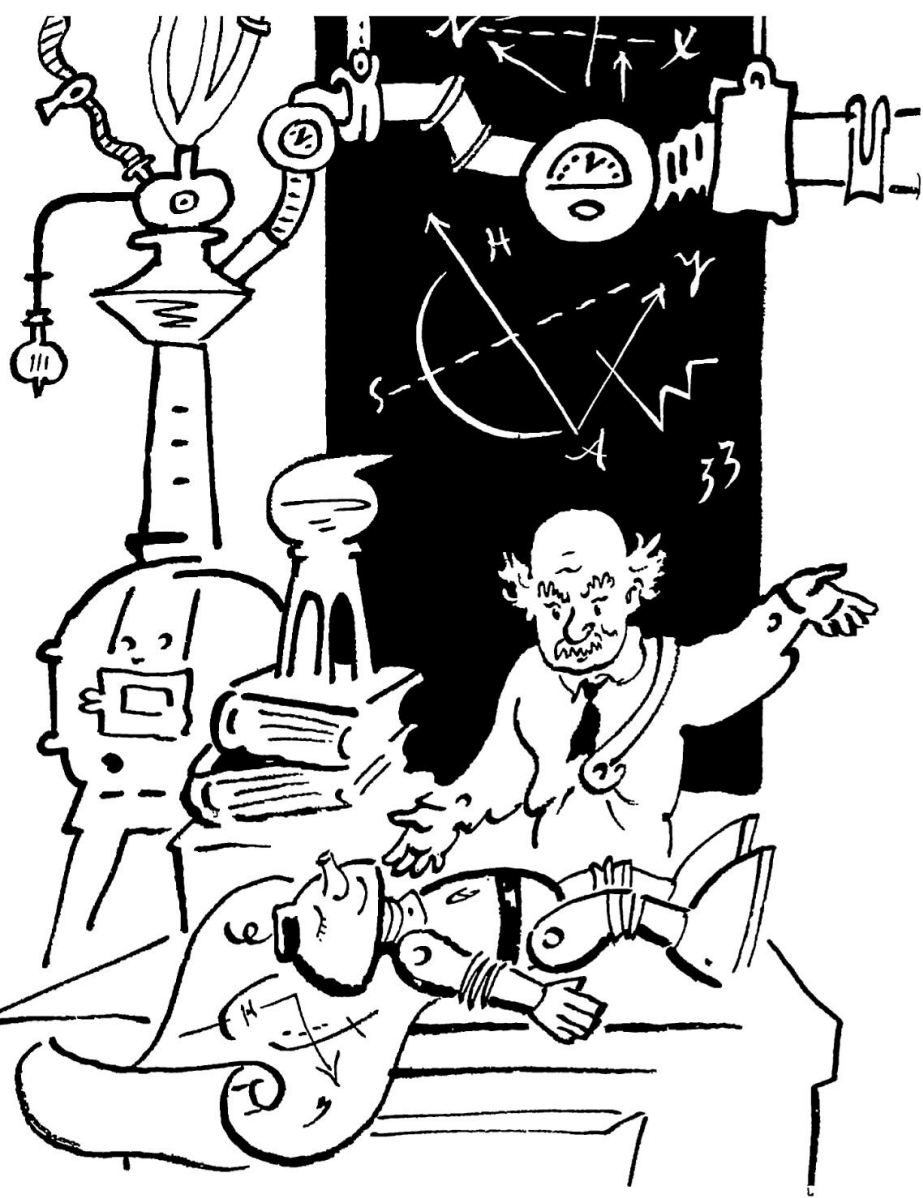
Отзывы и пожелания о книге присылайте по адресу: Ленинград, наб. Кутузова, 6. Дом детской книги Детгиза.

Часть

1.

ЖЕЛЕЗНЫЙ СЫН
профессора
Пилукки

одном итальянском городе жил старый учёный, по имени Пилукка. Детей у него не было, и он очень страдал от своего одиночества. Но однажды Пилукка услышал голоса ребятшек на улице, хлопнул себя рукой по лбу и воскликнул:

— Придумал! Я смастерю себе механического мальчика, и у меня будет сын!

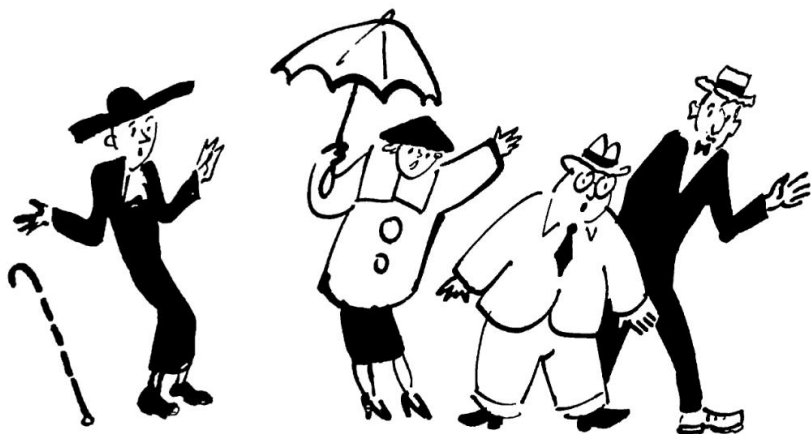
Старик купил несколько листов железа и два куска стали и сразу же принялся за работу. Пилукка хотел, чтобы его механический мальчик был совсем как настоящий и даже лучше настоящего: он мечтал сделать его вежливым и послушным, а это ведь так редко встречается среди настоящих детей.

Когда Пилукка истратил все свои деньги, ему пришлось поселиться в старом сарае и, чтобы довести начатое дело до конца, пойти на разные хитрости: он смастерил своему мальчику нос из носика кофейника, из колёсиков мясорубки сделал ему суставы, из печной трубы — ноги, прямые, как палки, и, наконец, вместо ступней приделал ему пару заржавленных утюгов, начистив их как следует наждачной бумагой.

И вот наступил день, когда нужно было оживить куклу, лежавшую неподвижно на столе. Старый учёный уже готов был включить ток, но вдруг заметил, что в кукле не хватает одного гвоздика, а гвоздей у Пилукки больше не было.

«Как! Из-за такого пустяка остановить всё дело?! Ни за что! — подумал он. — Тебе не достаёт гвоздика? Хорошо, ты его получишь. . . Я назову тебя: Гвоздик!»

Тут Пилукка опустил рычаг, и электрический разряд пробежал по кукле. В наступившей тишине послышался странный металлический звук. Это у Гвоздика дрогнули веки, он открыл глаза и удивлённо осмотрелся вокруг, затем приподнялся, сел и — крак-крак — потянулся.

Пилукка от волнения чуть не упал в обморок.

— Гвоздик, сын мой! — пролепетал он и хотел было уже его поцеловать. Но в ответ на отцовскую ласку жестокий мальчик лишь проскрипел своим тоненьким металлическим голоском:

— Ах, как я голоден! Скажите, папа, нет ли у вас чего-нибудь поесть?

Старик бросился к буфету, но там ничего не оказалось.

— Тогда я сам постараюсь раздобыть себе завтрак! — сказал Гвоздик, спрыгнул со стола, открыл дверь и вышел, даже не сказав «до свиданья!»

Он весело побежал по улице, расталкивая прохожих; им плохо приходилось от его железных локтей: каждый удар означал по меньшей мере одно сломанное ребро!

Вдруг, привлечённый аппетитным запахом, Гвоздик остановился, осмотрелся вокруг и, увидев колонку для заправки машин, в восторге закричал: «Ура! Теперь-то я наемся досыта!» Ведь механический мальчик питался бензином и машинным маслом, как все машины на свете. Осторожно стараясь обойти бензозаправщика (однако и тут три сломанных

ребра), Гвоздик ухватился за шланг и — буль-буль-буль — принялся пить!

Тем временем Пилукка окончательно пришёл в себя и отправился искать Гвоздика. Старый учёный совсем уже выбился из сил, когда, наконец, увидел своего сына: тот к этому времени успел опустошить всю бензоколонку и теперь допивал последний глоток.

Печально кончился для Пилукки так счастливо начавшийся день: чтобы уплатить за бензин, выпитый маленьким обжорой, ему пришлось отдать всё до последней копейки. Возвращаясь домой с Гвоздиком, он почёсывал себе затылок и бормотал:

— Как видно, с ребёнком что-то не в порядке; должно быть, это из-за недостающего гвоздика... Но ничего, важно то, что механический мальчик существует!

Пилукка был настоящий отец, заботливый и любящий; он приготовил для Гвоздика всё необходимое: чудесный матрасик из железных стружек, напильник для чистки зубов и железную щётку для наведения блеска. Однако Пилукку очень тревожил странный характер мальчика. Вечером, когда Гвоздик уже засыпал, он подошёл поцеловать сына и пожелать ему доброй ночи.

— Дорогой Гвоздик, — ласково сказал он, — я понимаю: всё окружающее кажется тебе странным и необычным, ты — механический мальчик, а должен жить среди настоящих людей, но я всегда буду с тобой рядом и постараюсь помогать тебе. А ты обещаешь мне быть добрым и послушным и не огорчать больше своего папу... Хорошо?

Гвоздик, чтобы показать, какой он воспитанный и послушный, зевнул во весь рот и ответил: «Да».

На следующее утро Пилукка, успокоенный обещанием сына, приготовил ему на завтрак большую чашку масла и хотел уже разбудить ребёнка, но... Гвоздика и след простыл! Он потихоньку, не сказав даже «доброе утро», ушёл и при этом выбрал для себя кратчайший путь — проломил стену!

И вот Гвоздик, свободный и весёлый, бежит по городу. Сколько нового и непонятного встречается ему на пути, как много интересного предстоит ему ещё узнать!

Вот прохожий взвешивается на автоматических весах, и Гвоздику, конечно, тоже захотелось узнать, сколько он весит; он встал на весы, стрелка подпрыгнула, показала три центнера, затем... трах! — и весы разлетелись на куски!

«Мне надо бы немного пополнеть, — подумал Гвоздик, — уж очень я худенький!» — и, весело насвистывая, он пошёл дальше.

Не успел он сделать нескольких шагов, как очутился перед витриной роскошного универмага, и тут в глаза ему

сразу же бросилась новинка «Бриллатутто» — бутылка с дорогой жидкостью для чистки металлических изделий.

Гвоздик, который, как и все дети, очень хотел быть красивым, даже не подумал удержаться от соблазна. Он протянул руку и — раз! — выбил стекло; потом он преспокойно вошёл в витрину, со свойственной ему ловкостью схватил несколько бутылок «Бриллатутто» и, ломая всё кругом, старательно прился наводить на себя блеск.

— Вот теперь я на самом деле красив! — воскликнул, выходя из витрины, сияющий Гвоздик и снова смешался с толпой прохожих. Но хозяин универмага Чичетти поднял страшный крик, а так как он был самым богатым человеком в городе, то полицейские сейчас же прибежали ему на помощь.

— Арестуйте его! Он разорил меня! — кричал Чичетти.

Услужливые полицейские, даже не спросив, в чём дело, набросились с дубинками на Гвоздика. Но голова механического мальчика, как известно, сделана была из стали, которая крепче дерева, так что дубинки сразу же разлетелись на кусочки. Гвоздик принял всё это за шутку и, желая показать, что он не хуже других, стал щёлкать своими железными пальчиками полицейских по головам.

В эту минуту на улице появился папа Пилукка, он обёгал весь город в поисках своего сына и вдруг увидел его среди десятка полицейских, лежавших без чувств на мостовой, и с удивлением разглядывал их.

Бедному Пилукке ничего больше не оставалось, как рвать на себе волосы, которых на его голове было немного. Ведь всё случившееся грозило ему судом и даже тюрьмой, а главное — нужно было уплатить Чичетти огромные деньги за нанесённые убытки. Но где взять деньги?

— Гвоздик, ты хочешь меня погубить! — тяжело вздыхая, сказал Пилукка, как только привёл своего проказника домой. — Когда же ты станешь хорошим мальчиком?

— Скоро, папа, — рассеянно ответил Гвоздик и, не зная, чем бы ещё заняться, начал пробивать в стене дырку, чтобы сунуть в неё голову и уснуть.

илукка, доведённый до крайней нищеты поведением своего необыкновенного сына, ломал себе голову над тем, как уплатить Чичетти долги.

Надо, однако, сказать, что Чичетти возненавидел Пилукку не столько за нанесённые убытки, сколько от зависти. Ему очень понравился механический мальчик. «Ах, если бы он был мой, — думал владелец универмага, — вот бы я разбогател! Но я всё равно доберусь до него, чего бы это мне ни стоило».

И каждый день он прогуливался возле дома учёного, чтобы посмотреть на механического мальчика, и, потирая руки, мечтал о том, как он заберёт себе Гвоздика, если только Пилукка не заплатит ему в срок все долги.

Тем временем Пилукке и его сыну жилось невесело. Но не долги отца омрачали настроение Гвоздика, — такие мысли не волновали его железную голову. Механическому мальчику было не по себе только потому, что, сколько ни старался Пилукка, старику не удавалось купить своему сыночку вдоволь масла, до которого тот был большой охотник...

Наконец наступил срок платежа. В этот день Гвоздик залпом проглотил свою долю масла и такими голодными глазами посмотрел на Пилукку, что у бедного старика сжалось сердце: ему показалось, что те несколько капель масла, которые он оставил себе, чтобы съесть их с последним куском хлеба, он украл у своего мальчика.

— Мне совсем не хочется есть, — сказал Пилукка, приворяясь сытым. — Я ем этот хлеб только для того, чтобы почистить зубы, а масло возьми ты...

Но мальчик всё понял: его сердце, хотя и сделанное из алюминиевого кофейника, не было бесчувственным.

— Нет, нет, я не хочу есть! — воскликнул растроганный Гвоздик и, как бы извиняясь, добавил: — Знаете, папа, масло

я, конечно, люблю, но только понемножку, потому что, если пить его много, оно действует, будто слабительное! . .

Такова была первая благородная ложь в жизни Гвоздика. В то время как отец уговаривал сына выпить оставшееся масло, в дверях послышался грозный окрик:

— Именем закона, отворите!

Это был судебный исполнитель, — он пришёл забрать у Пилукки Гвоздика за неуплату долгов.

— Но это же мой сын! — негодовал Пилукка. — Вы не имеете права отнимать у меня ребёнка!

— Это не ребёнок, а машина! — невозмутимо произнёс судебный исполнитель. — А согласно статье «27, 351 (1), — смотри выше, параграф 3 X 8» — машины должников могут быть описаны и изъяты.

— Зачем мне ещё смотреть выше? — возмутился Пилукка. — Я смотрю только на Гвоздика и говорю вам, что вы не имеете права отнимать у меня сына! Я не позволю вам увести его!

Мальчик понял, как любит его Пилукка; всё внутри у него заскрежетало, и . . он бросился обнимать своего отца, но сделал это так порывисто, что чуть не переломал ему все кости. Гвоздика вырвали из объятий отца, который, боясь, как бы сын не наделал ещё больших бед, категорически запретил ему оказывать сопротивление.

На улицах люди удивлённо оглядывались на механического мальчика: он шёл с поникшей головой; на шее у него была верёвка, и Чичетти тянул её изо всех сил.

Но это странное шествие продолжалось недолго, потому что внимание Гвоздика неожиданно привлекло огромное объявление: «Миллион — тому, кто победит знаменитого боксёра Спакканазо!»

— Вот где я достану деньги, чтобы заплатить долги моего отца! — воскликнул обрадованный мальчик.

И, дёрнув верёвку так, что она разорвалась, а Чичетти полетел вверх тормашками, Гвоздик помчался туда, где выступал непобедимый Спакканазо — знаменитый Разбиватель Носов.

МИЛЛИОН

ТОМУ,

КТО ПОБЕДИТ
знаменитого боксёра

СПАККАНАЗО

НЕПОБЕДИМЫЙ ЧЕМПИОН СПАККА- НАЗО ОСТАЁТСЯ С РАЗБИТЫМ НОСОМ

бежав в раздевалку, где лежали без сознания побитые противники чемпиона, Гвоздик, ничуть этим не смущаясь, быстро натянул на себя чей-то, брошенный на столе, шерстяной свитер и шерстяные трусы, — теперь его нельзя было узнать.

А в это время на ринге Спакканазо обращался к публике: — Любезные синьоры, — говорил он слащавым голосом, — неужели среди вас нет никого, кто бы хотел получить миллиончик? Заработать его проще простого: стоит только подняться на ринг и победить меня. . .

Потом, изменив тон и выпатив колесом грудь. Спакканазо заревел:

— Трусы, идите же сюда, и я отправлю вас на полгода в больницу! Я убью вас всех! Ну, где же вы, смельчаки? Или, может быть, никто не хочет получить миллион?!

Вдруг среди онемевших от страха зрителей послышался резкий металлический голосок:

— Спакканазо, я принимаю твой вызов!

И Гвоздик очутился на ринге лицом к лицу со страшным Спакканазо.

— С тобой, малявка, я разделаюсь одним ударом! — закричал чемпион и, разбежавшись, со всей силы ударил Гвоздика. Но . . . раздался пронзительный крик, и Спакканазо заплакал, как ребёнок: — Ай-ай-ай, моя бедная рука, что я теперь буду делать?! Он сломал мне руку!

Гвоздик расхохотался, а публика была ошеломлена — никто ещё так легко не расправлялся с могучим Спакканазо.

Чемпион вытер слёзы и уже наступал снова:

— На сей раз я тебя убью! — Но едва он это произнёс, как заревел во весь голос: — Ай-ай-ай! Он сломал мне другую руку!!!

Публика пришла в ещё большее недоумение, но мы-то прекрасно знаем, в чём секрет: под шерстяным свитером — была стальная броня толщиной в три сантиметра. Гвоздик тоже несколько не удивился своей победе, а, напротив, вспомнив о папе, решил поскорее покончить с этим делом. Двумя пальцами он щёлкнул по носу чемпиона, и Спакканазо, едва успев вскрикнуть «ай!», упал на землю, словно отравленная муха.

Не обращая внимания на аплодисменты публики, Гвоздик схватил мешок с выигранными деньгами, протиснулся сквозь возбуждённую толпу и побежал домой.

— Папа, — закричал он, — мы спасены! Вот деньги для уплаты долгов!

Но только успел он это произнести, как растворилась дверь и вошли Чичетти, судебный исполнитель и полицейский.

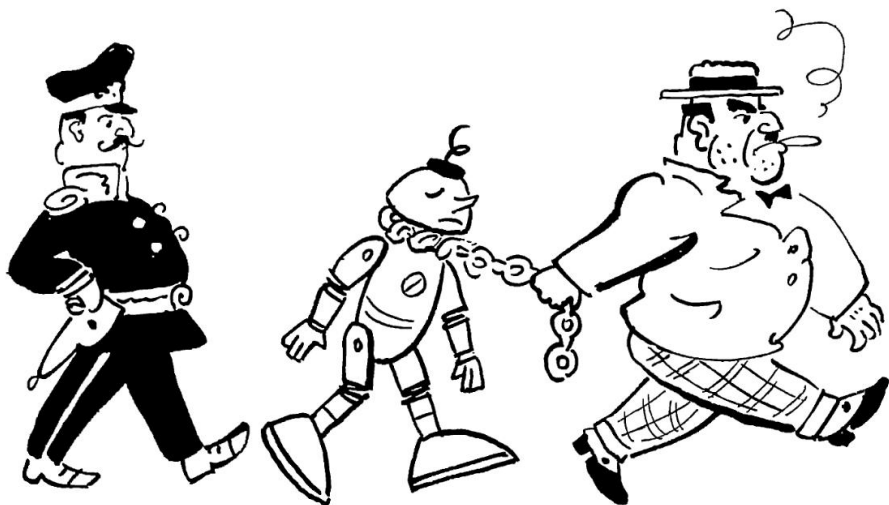
Полицейский сказал:

— Ты не такой, как все; ты сделан из стали, а потому твоя победа считается недействительной, и я забираю у тебя мешок с деньгами.

Судебный исполнитель сказал:

— Так как Пилукка не заплатил долги, Гвоздик становится собственностью Чичетти.

Только Чичетти ничего не сказал, а лишь самодовольно ухмыльнулся. Это он узнал Гвоздика на ринге и дал знать в полицию. А для большей надёжности на сей раз вместо верёвки он обвязал шею мальчика толстой железной цепью и с торжествующим видом потащил его за собой.

ГЛАВА V

ГВОЗДИК НЕ СДАЁТСЯ

ичетти повёл закованного Гвоздика в свой универмаг. У него уже был разработан план, как при помощи механической куклы нажить большие деньги; недоставало только согласия Гвоздика.

— Милый Гвоздик, — сказал Чичетти заискивающе, — ты ведь машина, и тебе всё равно, для кого работать — для меня или для Пилукки. Но я богат, и у меня ты получишь всё, что пожелаешь. Я дам тебе масло лучшего сорта, я буду чистить тебя каждый день дорогим «Бриллиантутто», а взамен...

Но Гвоздик не дал ему договорить:

— Я никогда не стану тебя слушаться! — закричал он. — Я хочу домой, к папе Пилукке! — И, наклонив голову, словно танк, он бросился вперёд, стараясь пробить стену. Цепь выскользнула из рук Чичетти, но он нажал все двадцать звонков на своём письменном столе, — сейчас же прибежали его двадцать личных секретарей. Гвоздик головой и ногами пробил в стене дыру и собрался просунуть туда голову, когда по команде Чичетти двадцать секретарей повисли, все вместе, как гроздь винограда, на конце цепи и изо всех сил упёрлись ногами в пол, словно рыбаки, вытаскивающие из воды невод.

— А ну тяни! — кричал Чичетти, стоя на письменном столе. — Посмейте только отпустить его, и я уволю вас всех!

Гвоздика, несмотря на всю его силу, втащили обратно и приковали к железобетонной стене.

Чичетти неистовствовал. Как это так, — мальчишка, да ещё железный, не хочет ему повиноваться и разрушает все его планы?!

Прежде всего богач решил поморить пленника голодом. Через несколько дней Гвоздик почувствовал боли в суставах, и при малейшем движении все колёсики в нём начинали скри-

петь и накаляться. Но гордый мальчик ни на что не жаловался и даже не подавал вида, что страдает.

Однажды Чичетти с лицемерной улыбкой подошёл к своему пленнику.

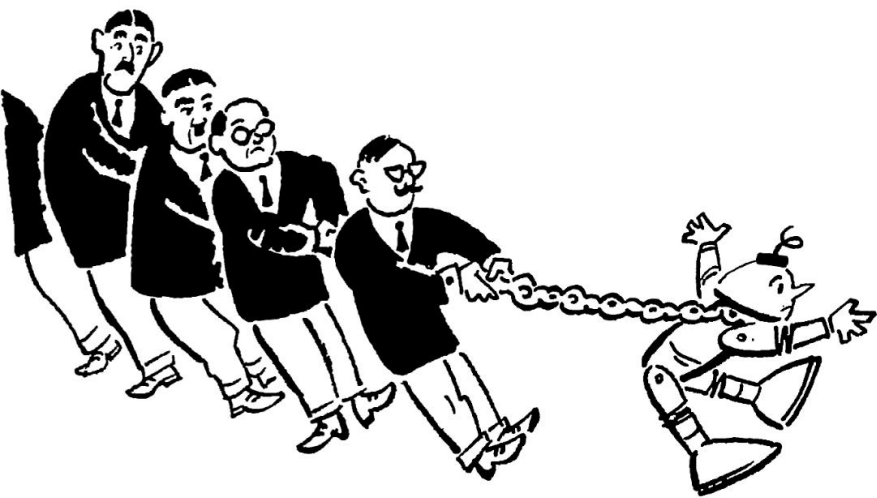
— Гвоздик, — сказал он, — будет тебе упрячиться. Разве ты хочешь умереть от голода? Давай лучше помиримся и станем добрыми друзьями. Согласен?

Гвоздик, увидев руку, протянутую к нему, недолго думая, схватил её своими железными пальцами и сжал с такой силой, что чуть не раздавил.

— За это ты заплатишься! — заревел Чичетти, корчась от боли. — Ты умрёшь... заржавленный!

Много дней владелец универсама не давал Гвоздику масла и, уверенный, что теперь-то уж тот покорится, решил, наконец, привести в действие свой план — выставить механического мальчика в универмаге. Публика хлынет смотреть чудо, и хозяин наживёт большие деньги.

Так по всему городу появились огромные объявления:

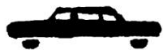
ПОЕЗДОМ

МОРЕМ

ТРАМВАЕМ

МАШИНОЙ

ПЕШКОМ

С п е ш и т е

В УНИВЕРМАГ

ЧИЧЕТТИ

здесь вы увидите

ЧУДО ВЕКА

МЕХАНИЧЕСКУЮ КУКЛУ,

выполняющую любые приказы

КАК дрессированная
собачка

Когда Пилукка прочёл это объявление, он чуть не расплакался. Но тотчас же подумал: «Тем лучше. Теперь, по крайней мере, я знаю, где находится Гвоздик, и сделаю всё возможное, чтобы его освободить. Я не допущу, чтобы эксплуатировали моего сына!»

день представления зал универмага был набит до отказа: все хотели увидеть механическую куклу. Но едва поднялся занавес, публика так и ахнула от жалости и удивления.

Освещённый ослепительными лучами прожекторов, Гвоздик сидел неподвижно, с поникшей головой. Огромной цепью он был прикован к стене; вид у него был такой грустный и безутешный, что вызывал сострадание. Почувствовав тревожное настроение в зале, Чичетти обратился к публике:

— Не волнуйтесь, синьоры! Перед вами автоматическая кукла, обладающая удивительной способностью выполнять любое приказание. Не думайте, что это мальчик, у которого есть мама и папа, — нет, это только машина. . .

При этих словах Гвоздик почувствовал, как всё внутри у него заскрежетало. «Папа-то уж во всяком случае у меня есть! — подумал он с горечью. — Ах, если бы он был здесь!»

— Гвоздик, будь умницей, — продолжал Чичетти, — поклонись милостивым синьорам, которые пришли на тебя посмотреть! В награду за это я дам тебе целую банку масла.

Но Гвоздик не двинулся с места, хотя от голода его несмазанные суставы скрипели, как при ревматизме.

Он не послушался даже и тогда, когда взбешённый Чичетти замахнулся на него огромной плёткой. Он не сдвинулся бы с места, даже если бы ему угрожало пламя газорезки. Гвоздик думал о папе Пилукке и только теперь по-настоящему оценил его доброту и любовь.

Чичетти продолжал кричать. И вдруг произошло нечто невероятное: на жестяной реснице Гвоздика появилась капля ржавого цвета; она дрогнула и упала, за ней другая, третья. . . Гвоздик плакал!

Тогда среди онемевшей от изумления публики раздался пронзительный крик:

— Гвоздик, сын мой!

Это был Пилукка: он находился в зале среди публики и всё видел. Гвоздик вскочил и голосом, хриплым от радости и волнения, воскликнул:

— Папа, папа! — Он хотел было броситься к Пилукке, но его не пустила цепь, а Пилукка не мог выбраться из рядов зрителей. Сердце сжималось у каждого при виде несчастного механического мальчика и старика, которые тянулись друг к другу и кричали: «Папа!», «Сын мой!»

Но Чичетти это ничуть не тронуло: для него ведь такие вещи, как отцовская и сыновняя любовь, не существовали. Он любил только деньги и, испугавшись, что не получит барышей, заорал:

— Всё это комедия! Не волнуйтесь! Это же кукла! Машина!

— Какая же это машина! — возмутилась одна женщина. — Разве вы не видите, как мальчик страдает? — И, достав из своей хозяйственной сумки помидор, она со всего размаха бросила его в Чичетти. Вслед за ней и остальные зрители стали бросать в него разные овощи и фрукты. Как только Чичетти пытался заговорить, кто-нибудь метко затыкал ему рот помидором или картошкой.

Тем временем Гвоздик, словно настоящий трактор, тянул цепь, которой он был прикован к стене. Цепь не поддавалась, но в стене появилось несколько больших трещин.

— Спасайся, кто может! Всё рушится! — крикнули в зале; толпа, опрокидывая шкафы и витрины, бросилась к выходу. Чичетти, краснее помидора, от которых он едва успевал отплываться, ревел:

— Полиция, ко мне! Я — хозяин! Арестуйте Пилукку! Это он во всём виноват!

Полицейские сразу же схватили старика.

Тогда рассвирепевший Гвоздик рванулся так сильно, что стена рухнула с ужасающим грохотом. Сквозь лавину посыпавшихся кирпичей и штукатурки Гвоздик увидел, как полицейские уводили Пилукку.

— Хорошо, что папа жив, — пробормотал мальчик и потерял сознание.

ГЛАВА VII

ГВОЗДИК В БОЛЬНИЦЕ

ожарные, прибывшие на самой большой скорости к месту происшествия, вытащили Гвоздика из-под груды развалин. Сильно помятый, он не подавал никаких признаков жизни.

Чичетти, боясь окончательно потерять механического мальчика — неиссякаемый источник будущих доходов, — отправил пострадавшего в лучшую больницу города.

В больнице Гвоздика сразу же отнесли в операционную, и три самых знаменитых бородатых доктора принялись исследовать необыкновенного пациента.

— А что, если мы будем лечить его железом? — предложил один из них, почёсывая голову.

— Нет, это не годится! — сказал другой, почёсывая нос. — Железа в нём хоть отбавляй. По-моему, здесь следует назначить массаж. . .

— Ну, вот ещё! — сказал третий, почёсывая ухо. — Кому захочется калечить себе руки?! Не сделать ли лучше укол?

— Ещё чего! — возразил первый. — Для этого потребовался бы бурав. Не попробовать ли. . .

Так прошло больше двух часов: один предлагал одно, другой — другое, потому что никто из них не понимал, в чём дело.

— В конце концов, сделайте хоть что-нибудь! — закричал Чичетти. — Мне нужно, чтобы кукла была здорова и немедленно! Я не пожалею денег!

Услышав эти слова, три доктора воскликнули хором:

— Раз так, сейчас же сделаем ему операцию! Операция всегда приносит пользу, да и стоит дороже!

Они сразу же приступили к делу. Но оперировать железного пациента было не так-то просто — не годился ни один инструмент: скальпели притуплялись, пинцеты ломались, иглы сгибались. Три доктора потели, пыхтели, но, как ни старались,

им не удавалось разрезать тело Гвоздика. Ведь оно было железным! Однако хирурги не сдавались. Один велел принести пилу, другой — напильник, а третий, самый сильный, потребовал — топор! Затем они все вместе с ожесточением набросились на больного.

Один пилил, другой точил, третий рубил, но Пилукка сделал Гвоздика так крепко, что с ним ничего нельзя было сделать. Доктора снова решили поменять инструменты.

— Кувалду! — заорали они. — Отбойный молоток! Газорезку!

И не переводя дыхания бросились на Гвоздика. Прошло пять минут. Наконец Гвоздик вздрогнул, открыл глаза и начал вертеться и смеяться, как сумасшедший:

— Ой! Ой! Вы меня совсем зашекетали, — кричал он. — Хватит, я больше не могу!

Увидев столь плодотворные результаты своего тяжёлого труда, три доктора в изнеможении упали на пол. Гвоздик с любопытством огляделся вокруг, но, заметив, что к нему подкрадывается Чичетти с толстой цепью в руках, он, несмотря на свою болезнь и тяжёлое состояние, из последних сил подбежал к окну и прыгнул вниз.

Он упал прямо в такси, которое стояло на улице. Шофёр, услышав, что садится пассажир, спросил: «Куда едем?» — и включил мотор, но с места тронулась только передняя часть машины, потому что задняя, раздавленная Гвоздиком, осталась лежать на мостовой.

Шатаясь, механический мальчик направился к дому Пилукки. «Вот кто меня вылечит, — думал он. — Только папа Пилукка может сделать это, потому что только он один любит меня».

воздик скрипел всеми заржавленными суставами. Он чувствовал, что силы его покидают.

К счастью, на длинном спуске, ведущем к дому Пилукки, мальчик повстречал детей, которые катили перед собой самодельную тележку.

— Пожалуйста, — пробормотал Гвоздик, еле державшийся на ногах, — дайте мне вашу тележку: я болен, а мне нужно добраться до дому. . .

Ребята при виде такой необычной куклы смутились и не знали что ответить. Но, когда Гвоздик, обессиленный, свалился в тележку, один из мальчиков со всей силы подтолкнул её.

Тележка сдвинулась с места и покатила по склону. Набирая скорость, она в несколько секунд достигла дома Пилукки, точно снаряд, вышибла дверь и влетела в комнату.

От такого удара чуть не обрушился весь дом. Можно было подумать, что случилось землетрясение. Но из груды осыпавшейся штукатурки и обломков мебели вскоре показались две головы: почти лысая голова Пилукки с огромной шишкой на макушке и сплюснутая головка Гвоздика. Старик ухмылялся, что всё это он видит во сне. Он подпрыгнул от радости и бросился обнимать Гвоздика. При этом Пилукка со всей силы ударился своим толстым красным носом о железный носик Гвоздика и окончательно убедился в том, что он не спит.

— Гвоздик, сын мой, наконец-то ты вернулся! Как я тебя ждал! — бормотал старик, прижимая к себе мальчика, и крупные слёзы лились у него из глаз. Но Гвоздик наклонил голову с таким скрипом, от которого у Пилукки мурашки забегали по телу.

— Милый папа, мне плохо, — прошептал он и потерял сознание.

Пилукка не упал духом. Он засучил рукава, взял молоток, клещи и тотчас же принялся за работу. Ему-то, любящему отцу, хорошо был знаком этот сложный маленький механизм.

Не прошло и часа, как Пилукка вылечил Гвоздика. Он сменил ему два изношенных колёсика, соскоблил ржавчину, заняв у соседей масло, хорошенько смазал его. Наконец металлический мальчик заблестел, как зеркало.

Гвоздик открыл глаза, вскочил на ноги, закричал и закричал во всё горло:

— Ура! Я здоров! Теперь нас никто не разлучит; я навсегда останусь с тобой! — Он схватил за руки папу Пилукку и весело закружился с ним по комнате.

Но старик остановился.

— Ах, если бы всё было так, как ты говоришь! — с грустью сказал он. — Только Чичетти не оставит нас в покое до тех пор, пока мы не заплатим долги. . .

— Я буду работать! Так ведь говорят? — спросил Гвоздик, мало искушённый в житейских делах. — Я достану деньги, чтобы уплатить Чичетти. Я не хочу, чтобы нас разлучили.

Но тут раздался стук в дверь и послышался хорошо знакомый голос:

— Пилукка, открой! Гвоздик у тебя, я знаю! Верни его мне, или ты попадёшь в тюрьму!

Это был Чичетти в сопровождении целого отряда полицейских.

— Беги, Гвоздик, беги, спасайся! — крикнул Пилукка. — Обо мне не беспокойся!

Хотя Гвоздику и тяжело было расставаться с папой Пилуккой, но он не заставил просить себя дважды.

— До свиданья, папа! Я вернусь с деньгами! — воскликнул он, целуя Пилукку. — До скорой встречи!

И в тот самый момент, когда дверь поддалась под напором полицейских, Гвоздик пробил головой стенку и удрал.

ГЛАВА IX

ГВОЗДИК ЗНАКОМИТСЯ С ПЕРЛИНОЙ

Гвоздик покинул родной город и зашагал по автостраде. Он шёл и шёл, его ноги-утюги до того накалились, что ступни жгло, как огнём. Но вот показался маленький автомобиль; он ехал медленно, потому что в нём сидел толстый-претолстый синьор. Недолго думая, одним прыжком Гвоздик прицепился сзади. Машина, потеряв равновесие от неожиданного груза, подняла передние колёса и продолжала

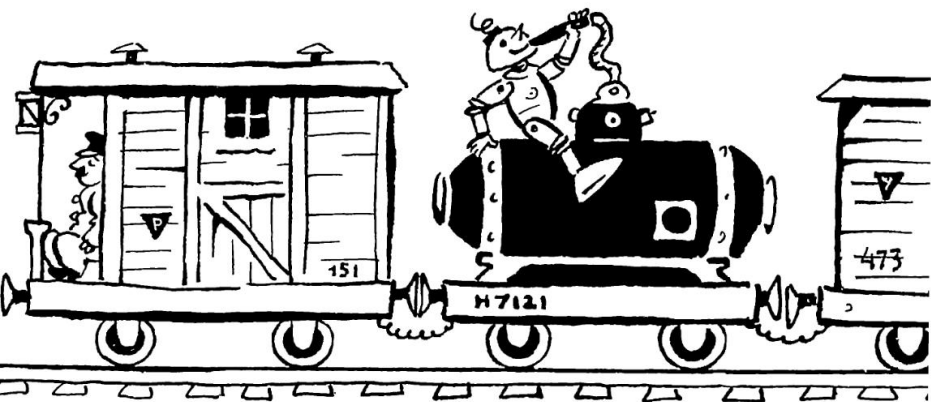
двигаться только на задних до тех пор, пока разъярённый хозяин не закричал на мальчика:

— Убирайся отсюда, бродяга! Если хочешь путешествовать, поезжай поездом!

Гвоздик решил тотчас же воспользоваться дельным советом. Свернув с автостреды, он отправился на железнодорожную станцию и вскочил в товарный поезд. Состав двинулся, и мальчик почувствовал вкусный запах. Гвоздик побежал по крышам от вагона к вагону, пока не добрался до цистерны с бензином.

— Вот это удача!— воскликнул механический мальчик.— Не только бесплатный проезд, но ещё и в вагоне-ресторане!

Поезд мчался, тяжело пыхтя, а Гвоздик сидел верхом на

цистерне, как генерал на коне, и во время всего пути с наслаждением потягивал бензин из резинового шланга.

Когда состав подошёл к первой станции, мальчик слез. В дороге он хорошо отдохнул, наелся досыта и теперь отправился искать работу: он не забыл о своём обещании — заработать деньги и расплатиться с долгами.

«Я буду механиком, — подумал он. — Пожалуй, это самая подходящая для меня профессия».

Без особого труда Гвоздику удалось устроиться на небольшом заводе. Ему не терпелось как можно скорее начать работу, но не успел он войти в машинное отделение, как взлетел на воздух, словно кто-то поднял его за шиворот, — механического мальчика притянул к себе огромный магнит. Гвоздик повис на нём, болтая ногами.

— Что это за шутки? — закричал он. — На помощь! Освободите меня! — Пришлось остановить машину; со всех сторон сбегались рабочие, чтобы общими усилиями оторвать железного мальчика от магнита.

Тогда Гвоздик попробовал работать продавцом в посудной лавке, но через четверть часа за прилавком не осталось ни одного целого стакана: как только он брал что-нибудь в руки, всё моментально разбивалось. Из посудной лавки его тоже уволили.

Гвоздик не падал духом; он пустился на поиски другой работы и вскоре нашёл себе место лифтёра, но и здесь ему не повезло: под тяжестью механического мальчика лифт не двигался с места, если даже нажимали на все кнопки сразу. Гвоздика снова уволили, и больше он уже не нашёл себе работы.

Прошло несколько дней. Голодный и усталый, Гвоздик не знал, что дальше делать. Однажды вечером он бродил по городу и думал о том, какой он несчастный. Вдруг мальчик нечаянно наступил на что-то и услышал пронзительный крик:

— Ой! Что за безобразие?! Разве вы не видите, куда ставите ноги?!

На ступеньке сидела девочка и держалась за ногу. Девочка была маленькой, худенькой, с болезненным, но милым личиком; две светлые косички спускались ей на грудь.

— Как тебя зовут? — спросил Гвоздик.

— Перлина, — ответила девочка.

— Что ты делаешь так поздно на улице?

— Я не могу вернуться домой без денег, иначе старуха, у которой я живу с тех пор, как стала сиротой, побьёт меня. А просить милостыню мне надоело.

Тут по её прелестному личику, точно из двух невидимых краников, полились слёзы.

— Ах, какая я несчастная! . . . Со вчерашнего дня я ничего не ела.

Гвоздику нечего было дать Перлине поесть, но тяжёлые вздохи и слёзы девочки его так взволновали, что он постарался её утешить.

— Я тебя понимаю, — сказал он. — У меня, правда, есть папа, но я не могу к нему вернуться. А ты не плачь, посмотри-ка. . .

Гвоздик сделал весёлое лицо и стал прыгать и вертеться во все стороны. Это было так забавно, что Перлина улыбнулась сквозь слёзы:

— Ой, какой ты смешной, совсем как Буратино! . .

Гвоздик погладил её по щеке, но Перлина вскрикнула от боли — железная ладошка чуть не содрала кожу с её лица.

— Я не хотел тебя обидеть, — испуганно пробормотал Гвоздик. — Я тебе друг; ты меня не бойся. Хочешь, я провожу тебя домой?

Девочка согласилась. Гвоздик взял её за руку, и они пошли.

ГЛАВА X

БЕДНЯКИ ТОЖЕ ДОЛЖНЫ ЕСТЬ

Перлина жила на окраине города в деревянной лачужке, крохотной, словно ореховая скорлупа.

Едва дети переступили порог, как старуха набросилась на девочку:

— Как ты смеешь, негодница, в такой поздний час возвращаться домой? Сдаётся мне, что ты не принесла ни гроша.

И не успела Перлина ответить, как старая ведьма дала ей такую пощёчину, что слёзы ручьём полились из глаз девочки. Гвоздик, остановившийся было у порога, бросился защищать Перлину.

— Стыдно должно быть вам, синьора; так не поступают с голодной девочкой, да ещё круглой сиротой!

— А ты откуда взялся? — закричала старуха. — Мне не нужны советчики в моём доме. Вот я тебе покажу! . .

И, довольная тем, что может избить двоих вместо одного, она залепила Гвоздику пощёчину, но — о ужас! — от боли чуть не лишилась сознания: вся рука у неё превратилась в сплошной синяк. Только тогда старуха заметила, что Гвоздик был железный. От испуга она пробормотала что-то и не решилась больше бить Перлину.

Гвоздик остался ночевать в лачужке. Он послушно улёгся у кровати Перлины. Девочка сняла с постели одеяло и заставила Гвоздика хорошенько укрыться.

Наутро старуха, впервые в жизни вежливо, попросила Перлину пойти достать чего-нибудь поесть.

Дети, взявшись за руки, вышли из дому. По дороге девочка объяснила Гвоздику, что им надо делать.

— Город наш очень бедный. Те, у кого нет денег, вынуждены искать пищу на свалках среди отбросов, но я самая маленькая и самая слабая, и мне никогда ничего не достаётся.

— Ведь сегодня ты не одна, — сказал Гвоздик. — Вместе мы обязательно достанем какую-нибудь еду или вещь, которую можно будет продать и получить за неё деньги.

Свалка была оцеплена полицейскими, а бедняки, стоя в очереди, с нетерпением ждали, когда им позволят туда пройти. Наконец сержант протрубил сигнал, полицейские отошли в сторону, и люди, как голодная саранча, бросились на свалку.

Перлина и Гвоздик не отставали от других; но напрасно они в четыре руки шарили среди отбросов, — ничего съестного там не оказалось. Бедняки возмущались: ни одной обглоданной косточки! Ни одной пустой банки из-под мясных консервов, которую можно было бы вытереть корочкой хлеба! Это возмутительно!

Начальник охраны пожимал плечами, как бы говоря: «Ничего не поделаешь, город бедный. . .»

Вдруг Гвоздик шепнул на ухо Перлине:

— Смотри, какая чудесная железная балка! Что ты скажешь, если я её вырву? Ведь мы сможем её продать!

Балка торчала из стены небольшого особняка. Гвоздик ощупал своими железными пальцами стену, затем ухватился

и — раз! — одним рывком выдернул балку. Но не успел он засмеяться от радости, как стена, лишённая опоры, рухнула.

И вот случилось нечто необыкновенное: вместе с кирпичами на бедняков посыпались булки, пачки печенья, банки с мясом, кильками и даже с куриными консервами. Никто из бедняков никогда не видел сразу столько продуктов. В мгновение ока, несмотря на протесты охраны, бедняки расхватали булки, печенье и банки с консервами.

— Это же склад! Сколько вкусных вещей лежало тут зря, а мы ничего не знали! Какое безобразие! — возмущались бедняки.

— Да здравствует Гвоздик! Это он помог нам обнаружить такую массу продуктов.

Так в один миг Гвоздик стал лучшим другом бедняков и настоящим героем, двадцать человек подняли его на руки и торжественно понесли домой.

ГЛАВА XI

СТАРУХА ХОРОНИТ ГВОЗДИКА

Перлина и Гвоздик вернулись домой с большим запасом еды. Но, несмотря на это, старуха ненавидела железного мальчика, — ведь в его присутствии она не могла бить Перлину.

Однако дети не обращали внимания на старую ведьму; они подружились и теперь целые дни проводили вместе.

Рано утром Перлина заплетала себе косички и умывалась холодной водой. Гвоздик каждый раз беспокоился за неё:

— Перлина, что ты делаешь? От воды тебе будет плохо, ты заржавеешь и не сможешь больше двигаться; не мойся, я тебя очень прошу!

Перлина смеялась и успокаивала его:

— Я ведь не железная куколка, как ты, а настоящая девочка.

Гвоздику становилось не по себе, но он слишком любил Перлину, чтобы сердиться на неё.

Они покидали лачужку на рассвете и, держась за руки, обходили весь город. Гвоздик искал работу, чтобы послать немного денег папе Пилукке, но хозяева, после того как он разоблачил их, обнаружив спрятанный склад, не желали с ним даже разговаривать.

Однажды вечером дети попали под проливной дождь. Перлина, зная, как опасна для Гвоздика вода, накинула на него свой шерстяной платок, и они побежали домой. Но, несмотря на то, что дома Перлина тотчас же насухо вытерла своего друга полотенцем, он почувствовал сильные боли в суставах.

— Ты не пугайся, но мне кажется, что у меня внутри что-то заржавело... — повторял он.

Встревоженная Перлина уложила мальчика в постель, укутала в тёплое одеяло, но и это не помогло: Гвоздик заболел.

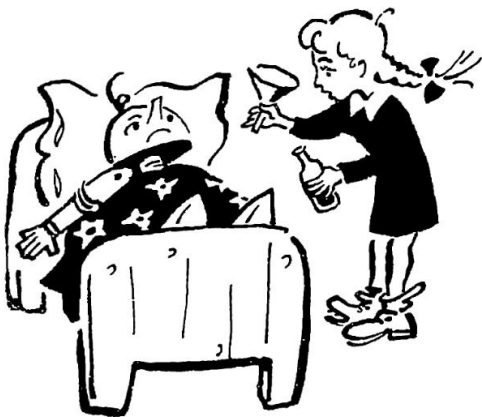
Старуха, увидев, что он не может больше двигаться, обрадовалась, — она ведь мечтала избавиться от железного мальчишки.

Зато Перлина превзошла все ожидания. Кто мог бы подумать, что в такой хрупкой и нежной девочке столько силы и стойкости? Любовь и благодарность к Гвоздику придавали ей мужество.

Каждый день она выходила из дому, чтобы достать немного машинного масла. Это было единственное лекарство, которое могло спасти Гвоздика. Перлина бегала по всему городу: она собирала и продавала тряпки, куски бумаги, старое железо, выполняла всевозможные поручения, стирала белье в богатых домах и вечером возвращалась домой, крепко прижимая к груди бутылочку масла.

Девочке не приходило в голову, что злая старуха каждый раз украдкой подменяла масло водой. И, когда Перлина, сидя у постели Гвоздика, поднимала его голову с подушки и через воронку поила его, она не подозревала, что давала ему не целительное масло, а смертельную для него воду.

Гвоздику становилось всё хуже и хуже.

— Перлина, мне плохо... — стонал он. — Но ты не должна так убивать себя из-за меня; я стал теперь куском старого заржавленного железа, — унеси и брось меня на улице...

— Хорошей подругой была бы я, если бы не заботилась о тебе, — возмущалась Перлина. — Я спасу тебя, вот увидишь! Ты — моя железная куколка, и я тебя очень люблю.

И хотя девочка всё больше и больше худела от непосильной работы, она не переставала каждый день добывать для своего друга масло, а злая старуха всё подменяла и подменяла его водой.

Однажды Гвоздик, уже весь покрытый ржавчиной, пробормотал:

— Дорогая Перлина, когда я умру, напиши папе Пилуке, что я много думал о нём и умер счастливый, — ведь я нашёл себе сестричку. — Тяжёлый кашель прерывал каждое его слово.

Перлина убежала от него, крепко сжав губы, чтобы не расплакаться. Она стала стучать во все двери, выпрашивая хоть каплю масла, но никто не хотел её даже слушать.

Когда старуха осталась одна, она подошла к Гвоздику; механический мальчик не подавал уже никаких признаков

жизни. Своими костлявыми пальцами она постучала по железной груди — раздался глухой и мрачный звук, словно стучали по пустому железному панцирю. Старуха позвала:

— Гвоздик!

Но он не открыл глаз. Она пощекотала его гвоздём, но мальчик не пошевелинулся.

— Он умер! — радостно воскликнула старуха. — Наконец-то я от него избавилась! Теперь я смогу бить Перлину, сколько захочу.

Она поспешно подняла Гвоздика, который болтался, точно марионетка без нитей, и, шатаясь, вся красная от натуги, потащила его на свалку.

Там старуха огляделась: поблизости никого не было. Тогда она кинула Гвоздика на кучу мусора и забросала его всяким хламом.

ГЛАВА XII

ДРУЗЬЯ СПАСАЮТ ГВОЗДИКА

дин нищий, придя на свалку, увидел кусок железа и потянул его к себе. Но представьте ужас этого человека, когда из-под груды отбросов появился неподвижный, заржавленный Гвоздик. Тотчас же вокруг него столпились бедняки и стали с грустью рассматривать почти неузнаваемого механического мальчика.

— Несчастный Гвоздик! Он был нам другом. . . — сказал один из бедняков. — Это он обнаружил склад с продуктами. Какая печальная участь постигла его! Он умер от ржавчины.

— Он действительно умер? — спросил другой.

— Увы, ничего не поделаешь. Разве ты не видишь, во что он превратился? Теперь это просто старое железо. Я не хочу оскорбить его память, но полагаю, что Гвоздик не отказался бы сослужить нам службу и после смерти.

Продукты давно кончились; люди были голодны, и нищий подумал, что ничего плохого не будет, если продать Гвоздика литейщику, который скупает железный лом.

Бедняки согласились, но так как за железного мальчика можно было выручить очень небольшую сумму, то они решили кинуть жребий, кому выпадет на долю продать его. Так и сделали.

Выигравший с грустью взвалил железного мальчика на плечи.

— Бедный Гвоздик! — вздохнул он. — Мы похороним тебя так, как подобает — в прекрасной плавильной печи.

Нищий направился в литейную мастерскую, а остальные бедняки, мимо которых он проходил, снимали шляпы, точно перед похоронной процессией.

Когда Перлина вернулась домой, старая мегера, злорадно улыбаясь, заявила, что она выбросила железного мальчика на свалку.

— Неблагодарная! — воскликнула девочка. — Как могла ты выбросить того, кто сделал тебе столько добра?! Я никогда больше не вернусь сюда! — И, сколько ни пыталась старуха удержать девочку, она вырвалась и убежала.

На свалке Перлина ничего не нашла. В то время как она, отчаянно плача, рылась среди отбросов, подошли Лилло и Лалло.

— Что ты ищешь, Перлина? — спросил Лилло — смывлёный мальчуган, повсюду таскавший за собой своего младшего брата, Лалло.

Узнав, в чём дело, Лилло свистнул — и на свалку сбежались его друзья, а так как все они очень любили Перлину, то стали её утешать и думать, как бы ей помочь.

В это время на улице показался бедняк; он с грустью подсчитывал мелочь и тяжело вздыхал: «Дорогой Гвоздик, извини меня, но я не мог поступить иначе. . . У меня дома трое голодных ребятишек. . .»

Это был как раз тот самый нищий, который продал Гвоздика.

Перлина, узнав от него обо всём, закричала:

— Скорей, в литейную! Может быть, ещё не поздно!

Перлина неслась быстрее всех; за ней с трудом поспевал Лилло, на спине у которого сидел Лалло. А за ними бежали

все остальные. К счастью, литейная мастерская была близко. Ребята ворвались в неё с быстротой кометы, упавшей с неба, как раз в тот момент, когда хозяин мастерской, взяв Гвоздика, собирался бросить его в плавильную печь.

— Какая забавная кукла! — бормотал он. — Я никогда не видел ничего подобного. . . Но железо, кажется, хорошее.

Увидев, что литейщик собирается бросить Гвоздика в плавильную печь, дети замерли, точно парализованные. Только Лилло не упал духом. Он поручил своего братишку Перлине, а сам подбежал к хозяину.

— Пойдите! — закричал он. — Послушайте сначала, что я вам скажу!

— Приходи потом. Разве ты не видишь, что я занят?

— Потом будет поздно, — смело ответил Лилло. — Я очень тороплюсь. Вы ведь покупаете старое железо, так вот я хочу предложить вам. . .

И с важным видом Лилло вытащил из кармана гвоздь:

— Видите, какое хорошее железо. Сколько вы дадите мне за него?

Литейщик свысока посмотрел на мальчика.

— Я не намерен с тобой шутить. Уходи отсюда; мне нужно расплавить эту куклу. . .

— Подождите минутку. Если вас не интересует гвоздь, я могу вам предложить что-нибудь другое: — Лилло достал из кармана сломанный перочинный ножик: — Может быть, вы купите это?

— Ну, хватит! — не выдержал литейщик и, отложив Гвоздика в сторону, подошёл к Лилло. — Железо я покупаю килограммами, а не граммами!

Но Лилло, точно фокусник, крича и размахивая руками, принялся вытаскивать из карманов и предлагать хозяину медную монетку, половинку ножниц и согнутый ключ. Перлина сразу же сообразила, что Лилло старается отвлечь внимание литейщика; остальное зависело от нее. На цыпочках она подвела ребят к Гвоздику, лежавшему возле печи, и. . .

Терпение хозяина, в конце концов, лопнуло:

— Уходи отсюда, или я тебя вышвырну! Мне некогда теребить с тобой время! — Но, отстранив Лилло, чтобы снова приступить к работе, литейщик разинул рот от удивления — железная кукла исчезла! Хозяин повернулся к Лилло, но чуть было не упал в обморок: мальчишки и след простыл!

ГЛАВА XIII

ГОРЬКИЕ СЛЁЗЫ ПЕРЛИНЫ И СЛАДОСТЬ ДРУЖБЫ

Лилло догнал Перлину, Лалло и всех остальных товарищей. Ребята притащили Гвоздика под мост и прежде всего решили проверить, жив он ещё или нет. В один миг они раздобыли масло, маслёнки, тряпки и жидкость для чистки металлов.

— Может быть, он ещё не совсем умер, — бормотала Перлина, смазывая маслом суставы Гвоздика. Остальные, вы-

сунув от усердия языки, скребли, тёрли и начищали металлического мальчика. Через час Гвоздик был чистым и сверкающим, как новенький, но не подавал никаких признаков жизни; казалось, что он спит.

— Он совсем умер! Бедный Гвоздик! . . — воскликнула тогда Перлина и заплакала. В отчаянии она обняла куклу, которая лежала без движения, с открытым ртом. Горе Перлины было так велико, что слёзы ручьями текли у неё из глаз. И вдруг одна слезинка попала прямо в рот Гвоздику.

Он вздрогнул и стремительно, точно внезапно сорвавшаяся пружина, вскочил на ноги. Кашляя, отплёвываясь и гримасничая, Гвоздик завопил:

— Ой, какая горечь! Спасите! На помощь! Меня отравили!

От горя слёзы Перлины действительно стали такими горькими, что пробудили Гвоздика к жизни после столь длительного обморока.

Когда он узнал обо всём, что сделала для него девочка, он в порыве благодарности так крепко обнял её, что Перлина чуть не потеряла сознание. Вне себя от радости, она схватила за руки товарищей и весело закружилась с ними вокруг выздоровевшего Гвоздика.

В этот день Гвоздик понял, как много у него друзей. А дружба, даже для железного мальчика с сердцем, сделанным из алюминиевого кофейника, — великое счастье.

Надо сказать, что друзья Гвоздика не были примерными мальчиками, а напротив — отъявленными шалунами, но этим они нравились Гвоздику ещё больше; и он сразу же нашёл с ними общий язык. Благородный и великодушный, он тут же стал думать, как бы ему получше отблагодарить своих друзей за то, что они спасли ему жизнь.

Прежде всего было решено совершить «большой набег» на сад одного противного скупого богача, — там было столько фруктов, что их хватило бы на весь город. Но богатый хозяин предпочитал, чтобы фрукты гнили на ветках, и окружил сад колючей проволокой, а всю стену утыкал острыми черепками.

— Предоставьте это дело мне! — воскликнул Гвоздик.

Одним прыжком он очутился на стене, разорвал проволоку и во все стороны ногами-утюгами раскидал черепки. Теперь уже для остальных не представляло никакого труда перелезть через забор в сад. За пять минут ребята набрали столько фруктов, что если бы съели их все сразу, то на всю жизнь получили бы расстройство желудка. Но уж наелись они досыта. Лилло продал по дешёвой цене остатки, а на вырученные деньги купил футбольный мяч.

Вообразите себе радость Гвоздика, когда его пригласили играть в футбол! Ему объяснили правила игры и, так как он был сильным и крепким, поставили его центральным нападающим.

— Гвоздик, смелей! — крикнула ему Перлина.

Гвоздик сделал несколько ударов, и вокруг него образовалась пустота. Противники, сплошь в шишках и синяках, полетели вверх тормашками и так остались лежать на поле, а Гвоздик забил им в ворота семь мячей подряд.

— Дорогой Гвоздик, — сказал Лилло, — мне очень жаль, но так нельзя. — Ты будешь играть в защите.

Железного мальчика поставили третьим, но он бил с такой силой, что мяч не выдержал и лопнул. Огорчённый Гвоздик прислонился к воротам, но учинил новую беду: шесты, перекладина и сетка — всё рухнуло! К счастью, Перлина догадалась набить мяч тряпками и зашить его; можно было продолжать игру. Но теперь уже Гвоздику пришлось довольствоваться ролью судьи.

ГЛАВА XIV

ПИСЬМО ОТ ПАПЫ ПИЛУККИ

Гвоздик был счастлив и даже забыл о папе Пилукке и о своём обещании привезти ему деньги, чтобы уплатить Чичетти долги.

Но однажды вечером, лёжа под мостом рядом с Перли-

ной, он почувствовал, как тревожно задрожал металлический хохолок, который, словно антенна, торчал у него на голове.

— Какое странное ощущение! — пробормотал он. — Будто кто-то зовёт меня на помощь. — Но, увидев озабоченное лицо Перлины, добавил: — Нет, ничего, просто грустная мысль пришла мне в голову; теперь уже всё прошло. . .

Гвоздик, такой рассеянный, даже не подумал о том, что папа Пилукка мог звать его на помощь.

А это было именно так.

Спустя несколько дней, когда Гвоздик беззаботно играл со своими друзьями, почтальон подал ему письмо. На конверте было написано: «Гвоздику, механическому мальчику, где бы он ни находился». А так как механический мальчик был только один на свете, письмо до него дошло.

Перлина вслух прочла ему письмо: «Дорогой Гвоздик, — писал Пилукка, — я очень беспокоюсь о тебе. Как ты поживаешь? Почему не даёшь о себе знать? Мне бы очень хотелось получить от тебя весточку. Чичетти добился того, что меня посадили в тюрьму за неуплату долгов. Но ты не расстраивайся, лишь бы тебе было хорошо. Пиши мне. Целую тебя много раз. Папа Пилукка».

Пока Перлина читала, Гвоздик весь дрожал, словно дотронулся до электрического провода, и от стыда готов был сам себе надавать пощёчин.

— Как мог я забыть моего бедного папу! — воскликнул он под конец, заламывая руки, которые при этом страшно закрипели. — Я играл, развлекался, а папа Пилукка всё это время сидел в тюрьме! Я должен сейчас же вернуться к нему!

Перлина, Лилло, Лалло и все остальные молча смотрели на Гвоздика. Затем Перлина положила ему руку на плечо и спросила упавшим голосом:

— Значит, теперь мы должны расстаться? — У неё не было никого на свете, Гвоздик был её единственным настоящим другом. Он знал это и очень любил Перлину.

— Мы никогда не расстанемся! — сказал он, глядя ей в глаза. — Ты поедешь со мной. Когда папа Пилукка увидит

тебя, он обязательно тебя полюбит, несмотря на то, что ты настоящая девочка.

Быстрее всего можно было добраться до Пилуки поездом, но нужно было раздобыть деньги на два билета. Тут у Лилло, как всегда, возникла гениальная идея устроить на площади театральное представление.

— Ты, Гвоздик, будешь изображать Буратино и выполнять всё, что я тебе прикажу. Увидишь, все примут тебя за новую необыкновенную марионетку.

Так они и сделали. Всё удалось на славу! В маленьком, наскоро сделанном театре Гвоздик, смешной и послушный, выполнял приказания Лил-

ло, и зрители, удивляясь, как это кукла может двигаться без нитей, смеялись до упаду.

Ребята собрали много мелких денег, но их хватило только на один билет. Чтобы не терять времени на второе представление, решили, что Перлина поедет по всем правилам, с билетом, а Гвоздик — зайцем, в старом чемодане. Попробовали. . . но Перлина не могла даже сдвинуть с места чемодан. Ведь внутри лежал согнувшись в три погибели Гвоздик. Тогда у Лилло возникла другая идея — приделать к чемодану колёсики.

Итак, Перлина появилась на вокзале, как настоящая дама: с билетом в руках, за ней мальчики катили моторизованный чемодан.

Но вот ребята прижались губами к замочной скважине и зашептали:

— Счастливого пути, Гвоздик!

В ответ на это изнутри послышался тоненький взволнованный голосок:

— Прощайте, друзья! Я вас никогда не забуду!

Для того, чтобы внести чемодан в вагон, потребовались четыре самых сильных носильщика. Потом Перлина замахала из окна платочком, начальник станции дал свисток, и поезд тронулся.

вагоне третьего класса Перлина забились в угол, а Гвоздик, спрятанный в чемодане, оказался на багажной сетке. Вдруг от резкого толчка чемодан открылся и Гвоздик, весь скорчившийся, упал к ногам пассажиров и чуть было не проломил пол.

— Синьоры пассажиры, — взмолилась Перлина, — пожалуйста, не выдавайте нас! . .

Пассажиры были растроганы и обещали хранить тайну. Больше того, они стали доставать из своих сумок и корзинок булочки, апельсины и угощать ими ребят. Нежный стальной желудок Гвоздика не переносил такой пищи, а потому мальчик укладкой передавал свою долю Перлине, которая была голодна, как волк. В то время как они весело болтали, дверь купе внезапно отворилась и вошёл контролёр. Гвоздик растерялся. Но Перлина, которая могла обхитрить любого хитреца, схватила механического мальчика и положила себе на колени.

— Не дыши! — шепнула она Гвоздику и стала завязывать ему на голове бант.

— Билет! — проворчал контролёр, проверив билет Перлины и тыча пальцем в Гвоздика.

— С каких это пор куклы ездят по билетам? — возмутилась Перлина.

Но контролёра это не убедило:

— Какая же это кукла! Я ещё в жизни своей не видел железных кукол!

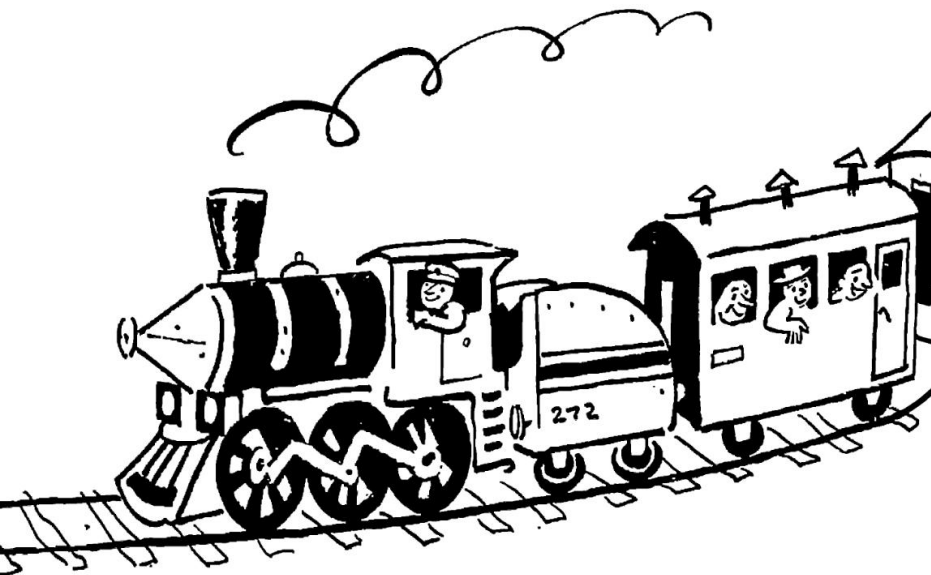
— А разве когда-нибудь вы видели железного пассажира? — насмешливо спросила Перлина, и все присутствующие разразились дружным смехом.

— Но эта «штука» двигается! Я видел своими глазами! — Это заводная кукла... Смотрите, сто́ит мне нажать вот здесь, она открывает глаза и говорит «мама»...

Перлина нажала пальцем Гвоздику на грудь, и он, поняв, в чём дело, открыл глаза, но так как он не привык говорить «мама», то сказал «папа».

— Механизм действует не совсем исправно, — заметила Перлина.

Контролёр, не зная, что возразить, ушёл, почёсывая затылок,

Перлина не в силах была больше держать на коленях такой груз, и Гвоздик встал. Но едва он поднялся на ноги, как в купе снова ворвался контролёр:

— Я всё видел! С вас штраф! — закричал он. — Нечего притворяться стальной куклой и ездить без билета!

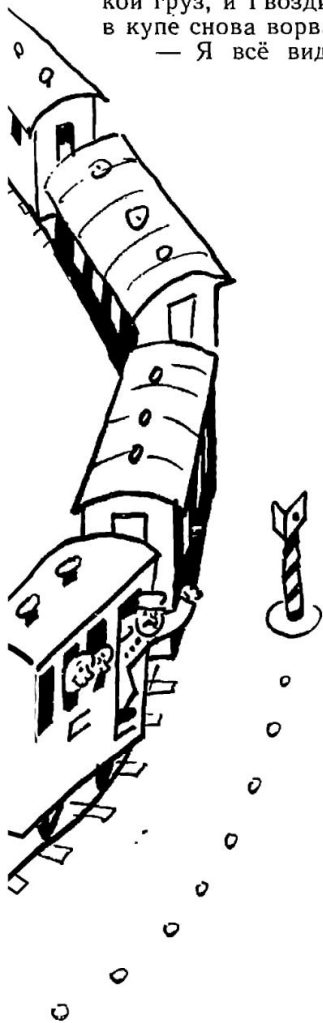
В мгновение ока Гвоздик дёрнул тормоз, остановил поезд, распахнул дверь, схватил Перлину и вместе с ней выпрыгнул из вагона. Не успели окружающие оглянуться, как дети были уже далеко, а контролёр, стоя в дверях вагона, с досады бросил на землю шапку, обшитую галуном, и закричал:

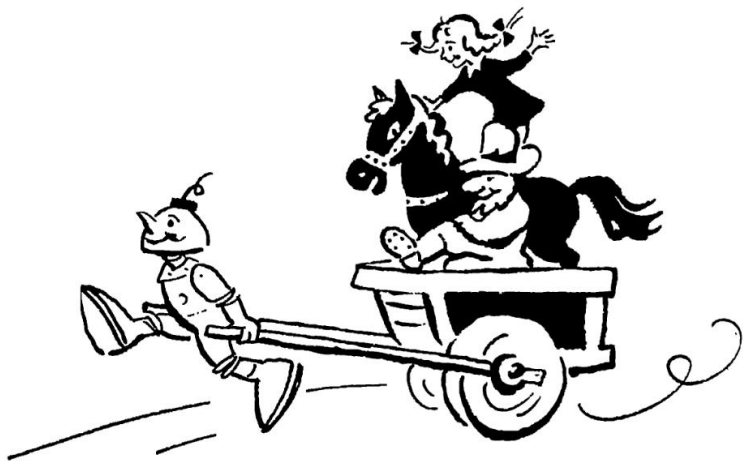
— Это был бы тысячный штраф в моей жизни!

Бедняга! От горя даже слёзы появились у него на глазах.

Избежав опасности, Перлина и Гвоздик шли целый день, пока девочка совсем не выбилась из сил. К счастью, мимо проезжала повозка, на которую им разрешили сесть.

Но Гвоздик был таким тяжёлым, что, как только он взобрался на козлы, старая кляча остановилась, и никакими силами её нельзя было сдвинуть.

нуть с места. Тогда Гвоздик (ведь ему хотелось скорее попасть в город) предложил:

— Синьор извозчик, поставьте лошадь на повозку, пусть она отдохнёт, а везти попробую я.

Так они и сделали. Целый час Гвоздик бежал во всю прыть, сжимая в руках оглобли, пока вдаль не показался город, где сидел в тюрьме папа Пилукка.

— Папа! — закричал Гвоздик, побежав ещё быстрее. — Скоро я тебя освобожу.

ГЛАВА XVI

ГВОЗДИК СКВОЗЬ РЕШЁТКУ ОБНИМАЕТ ПАПУ ПИЛУККУ

Когда приехали в город, Гвоздик бросил оглобли и, держа за руку Перлину, помчался к тюрьме. Он бежал так быстро, что девочка даже не успевала ставить ноги на землю, а неслась за ним по воздуху, как развевающийся фла-

жок. Гвоздику хотелось скорее увидеть папу Пилукку, и он, чтобы сократить свой путь, срезал углы домов, обрушивал стены и, как снаряд, пробивал автобусы, полные людей.

Вдруг Гвоздик резко затормозил, и Перлина со всего размаху налетела на него сзади и сильно ударилась.

— Ты подожди меня здесь, — пропыхтел Гвоздик, — а я побегу к папе Пилукке.

Ощупывая шишку, моментально вскочившую на лбу, Перлина всё же нашла в себе мужество улыбнуться.

— Желаю тебе удачи, Гвоздик! — сказала она, радуясь тому, что её друг, наконец, снова сможет обнять своего отца.

Гвоздик бежал вдоль тюремной стены и кричал изо всех сил:

— Где ты, папа Пилукка? Это я, твой Гвоздик!

За железной решёткой одного из окошек показалась лысая голова папы Пилукки:

— Сын мой, я здесь!

Гвоздик подпрыгнул и, ухватившись за решётку, крепко-крепко обнял старика, который от волнения не в состоянии был произнести ни слова.

— Извините меня, папочка! — шептал Гвоздик. — Я забыл о вас, я был плохим сыном! Но теперь я буду хорошим! Вам не придётся больше страдать из-за меня!

Пилукка был очень взволнован и лишь бормотал слова, которые казались Гвоздику совершенно бессмысленными:

— Как ты похудел! Ты ничего не кушал? . . . Ах, какой ты бледный! Гвоздик, сын мой, скажи правду, — здоров ли ты?

Подобные слова говорят все родители на свете, когда после долгой разлуки встречают своих детей, и Пилукка не представлял собой исключения, несмотря на то, что сын его был исключительным.

Гвоздик крепко обнимал отца, держась одной рукой за тюремную решётку. Это смягчило бы и каменное сердце, но сердце жандарма, стоявшего на страже, не смягчилось по той простой причине, что сердца у него вовсе не было, и поэтому, как только появился железный мальчик, жандарм, злорадно улыбаясь, куда-то убежал.

Гвоздик, покрыв поцелуями, синяками и шишками лицо папы Пилукки, прыгнул на землю и закричал:

— Теперь я вас освобожу! Ни одной минуты вы больше не будете в тюрьме!

Железный мальчик тут же принялся головой и ногами пробивать стену, стараясь проделать отверстие, в которое смог бы выйти его отец. Но стена, сделанная из железобетона, не поддавалась. В то время как Гвоздик усердствовал, слышался какой-то странный грохот.

— Осторожнее, Гвоздик! — закричал Пилукка. — Убегай, а то и ты угодишь в тюрьму! . .

Гвоздик обернулся. К тюрьме приближался танк; им управлял разъярённый Чичетти. Перед танком бежал жандарм, выдавший мальчика.

Гвоздик увидел того, кто посадил в тюрьму его отца; он рванулся на врага и готов был расправиться с ним, но Пилукка закричал:

— Спасайся, Гвоздик! Это злые машины! Тебе с ними не справиться! Беги отсюда! . . И возьми вот это, оно может тебе пригодиться, чтобы освободить меня!

Гвоздик поймал на лету предмет, брошенный ему папой Пилуккой; это был консервный нож, который учёный смастерил, сидя в тюрьме. Прощаться было некогда. Гвоздик послал папе воздушный поцелуй и побежал.

ГЛАВА XVII

БЕГСТВО

Гвоздик добежал до того места, где его ждала Перлина. Вместе они направились в соседний парк и, спрятавшись в кустах, стали ожидать наступления ночи. Железный мальчик, сжимая в руках консервный нож, дрожал от досады и гнева.

Перлина пыталась успокоить и ободрить его:

— Увидишь, всё будет хорошо. Я уверена, что ты освободишь папу!

Наступила ночь, но от нетерпения ни девочка, ни мальчик не могли сомкнуть глаз. Перлина, со свойственной ей предусмотрительностью, шила из тряпок мягкие туфли, — ведь Гвоздик должен подойти к тюрьме без малейшего шума.

А он тем временем готовился к встрече со стражей — занимался боксом. Большие деревья служили ему тренировочными мешками, и при каждом ударе валилось одно из них.

— Ну, теперь я в форме! — сказал Гвоздик, довольный собой. — Теперь они дорого заплатят за зло, причинённое моему родному старичку!

Наконец наступило время действовать. Недалёк был рассвет. Перлина и Гвоздик в темноте, крадучись, направились к тюрьме. В мягких туфлях Гвоздик ступал легко, как балерина. Но, когда дети подошли к тюрьме, Перлина испуга-

лась — танк, вооружённый огромной пушкой, стоял на страже как раз перед камерой Пилуக்கки.

— Не бойся, — прошептал Гвоздик, — папа всё предвидел; для этого он дал мне консервный нож! Ты жди меня здесь и смотри. . .

Размахивая консервным ножом, точно саблей, мальчик на цыпочках приблизился к танку; внутри танка, примостившись на стуле, спал караульный. Ещё бы, под защитой такой брони ему нечего было бояться! И танк тоже, устав после тяжёлого дня работы, безмятежно спал, легко похрапывая мотором. Но вдруг танк пронзительно заскрежетал от боли — Гвоздик со всей силы всадил ему в бок консервный нож и вскрыл бронированную машину, как коробку сардин.

Но даже в разломанном пополам танке караульный продолжал спать. Вдруг он потянулся и воскликнул:

— Чёрт возьми, что-то стало прохладно; должно быть, здесь сквозняк... — Но, открыв глаза, он увидел над собой звёздное небо.

— Караул! — закричал он тогда, убегая, словно ошпаренный. — Вскрыли танк, будто коробку сардин! На помощь! Я не хочу, чтобы меня уничтожили, как сардинку!

В тот же самый миг за решёткой появилась лысая голова Пилульки.

— Молодец, Гвоздик! Теперь, прежде чем прибудет подкрепление, ломай решётку!

При помощи консервного ножа взломать решетку было сущим пустяком: железные прутья отскакивали, как зубочистки. Пилулька прыгнул вниз, и Гвоздик поймал его на лету. Затем они все трое бросились бежать.

Пилулька не ошибся, — можно было подумать, что в городе случилось землетрясение: все дома задрожали и послышался оглушительный грохот. Рассвирепевший Чичетти приближался во главе тысячи полицейских, пятидесяти танков и сотни пушек.

— Тому, кто поймает Гвоздика и Пилульку, — кричал он с башни своего танка, — я оплачу годичный отпуск на берегу моря! Но, если упустите их, всех вас посажу в тюрьму!

ГЛАВА XVIII

ДАЖЕ У ТАНКОВ ЕСТЬ СЕРДЦЕ

Временем Гвоздик тащил за собой Пилульку и Перлину и изо всех сил старался как можно дальше уйти от бронированной армии и её взбесившегося главнокомандующего Чичетти. Преследователи трижды обежали вокруг города, но всё не могли поймать Гвоздика. Казалось, в каждой ноге

у него двигался поршень. Но в конце концов обходным манёвром преследователям удалось догнать беглецов и прижать к стене, которую Гвоздик уже не смог проломить. Чичетти приказал окружить беглецов танками, а пушкам принять положение «наготове».

— Попались! — воскликнул в отчаянии папа Пилукка. — Гвоздик, сын мой, в какую беду втянул я тебя!

Но Гвоздик думал иначе:

— Смотрите за Перлиной, папа! Мне пришла в голову идея, — сказал он и, заслонив собою Перлину и Пилукку, повернулся к полицейским, готовым броситься в атаку.

— Сёстры-машины! — закричал механический мальчик. — Выслушайте меня!

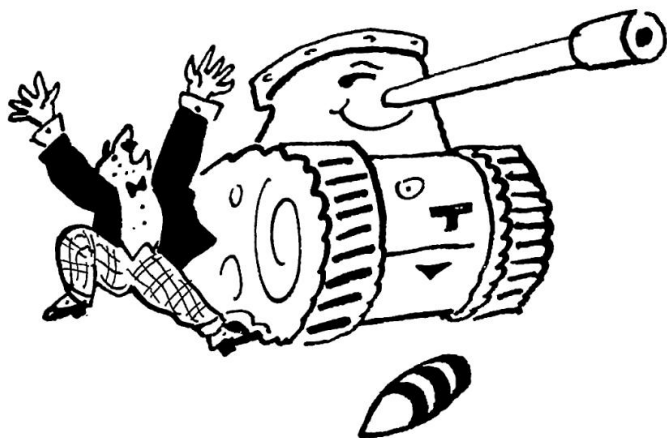
Что это?! Он сошёл с ума! Нет, Гвоздик рассуждал вполне здраво. Разве не был он такой же машиной, как эти танки и пушки? А потому нет ничего удивительного в том, что он обращался к ним; он знал. они поймут его.

— Сёстры-машины, не слушайте тех, кто толкает вас на бесчестные поступки! Машины изобретены для того, чтобы творить добро, чтобы помогать людям в работе! А вы что делаете? Вы — машины войны, помогаете насильникам! Я удивляюсь тебе, сестрица-пушка! На твоём месте я не стрелял бы в невинных! А ты, братец-броневик, — тебе не стыдно помогать тому, кто преследует слабого старика Пилукку?

Чичетти и полицейские были ошеломлены: подобного выступления они никогда ещё не слышали. Но ещё больше удивились сами машины, — ведь эти замечательные слова были сказаны такой же машиной, как они, сделанной из той же плоти и крови, то есть, извините, из того же самого железа.

— Машины, ваш долг приносить людям пользу! Подумайте о том, как стали бы вас осуждать ваши братья тракторы, бороны, станки и все остальные трудолюбивые и мирные машины!

Если при этих словах военные машины не покраснели от стыда, то лишь потому, что были покрыты свежей краской. Старая пушка разволновалась до того, что у неё начались спазмы в желудке, то есть в задней части орудия, и одним

залпом она выбросила снаряд, который был у неё внутри. Один танк, новёхонький, с иголки, юный мечтатель, так расчувствовался, что крупные слёзы бензина потекли у него из всех отверстий, а из носу, то есть из дула пушки, у него закапали крупные капли масла.

— Довольно! В атаку! — закричал тогда выведенный из себя Чичетти. — Хватайте его, пусть он замолчит!

Но напрасно полицейские давили на педали и нажимали рычаги — машины не двигались. А один рассерженный танк даже затопал гусеницами по земле:

— Я не сдвинусь с места! — кричал он и от злости наступил на ногу Чичетти. Одним словом, все машины поняли, как позорно было их ремесло — ремесло машин войны.

— Переплавьте нас! — требовали машины. — Мы тоже хотим стать плугами, тракторами и станками! Мы хотим приносить пользу!

Увидев смущение полицейских, Гвоздик крикнул:

— От всего сердца спасибо вам, сёстры-машины, — и побежал вместе с Пилуккой и Перлиной,

Чичетти не сдавался.

— Вперёд, трусы! — приказал он растерянным полицейским. — Мы должны схватить негодяев даже без танков и пушек!

ГЛАВА XIX

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ТОК ДЕЛАЕТ ЧУДЕСА, НО...

ичетти, во главе целой армии полицейских, продолжал преследовать Гвоздика, Пилукку и Перлину. Полицейских было так много, что они могли меняться, как при эстафетном беге. Первыми стали сдавать старые фельдфебели, затем сержанты, страдавшие плоскостопием, и под конец остались только самые молодые жандармы. Во время этого бега Чичетти даже похудел на пять килограммов, но не сдавался.

— Держите мальчишку! — кричал он. — Гвоздик должен быть моим!

Неожиданную помощь Гвоздику оказали городские ребята, которые при виде столь увлекательного преследования сразу же стали на сторону более слабых, что вполне естественно. Дети моментально придумали преинтереснейшую игру: «Кто больше собьёт с ног жандармов». Каждый пустил в ход всю свою изобретательность: одни привязывали к фонарям верёвки, чтобы полицейские спотыкались о них, другие ловко бросали под ноги преследователей кожуру от бананов, третьи намыливали мостовую. В результате упавших оказалось так

много, что ребятам даже не удалось установить, кто же из играющих выиграл.

Но в погоню вступали всё новые и новые отряды полицейских. В конце концов Гвоздик вынужден был остановиться: Пилукка и Перлина совсем выбились из сил... И вот подбежали первые преследователи. Гвоздик остановился посреди улицы и широко расставил ноги. Теперь ему стоило только размахнуться, чтобы жандармы попадали на землю.

Но тут подоспело новое подразделение, и схватка разгорелась снова. Подбежал и Чичетти. Он вопил, размахивая руками:

— Вперёд, трусы! Свяжите его цепями!

Гвоздик мужественно сопротивлялся, но силы противника были слишком велики. Со всех сторон окружённый полицейскими, мальчик крикнул из последних сил:

— Папа, я больше не могу! Бегите хотя бы вы с Перлиной!

До этой минуты Пилукка беспомощно наблюдал за всем происходящим. Но тут у него возникла идея. Показав на столб с электрическими проводами, он воскликнул:

— Гвоздик, хватайся за провода! Не бойся, электричество тебе не опасно!

На столбе висела надпись: «Трогать запрещается — токи высокого напряжения!» Одним прыжком Гвоздик оказался наверху и схватился за провода. Ослепительный сноп искр вырвался из его кулака и, сверкая, как лезвие ножа, опустился на полицейских. Они начали дрожать, словно охваченные приступом малярии: ток переходил от одного к другому и добрался, наконец, до самого Чичетти.

— Гвоздик, держись! — крикнул тогда папа Пилукка. — Не выпускай провода из рук до тех пор, пока они не сдадутся!.. А ты, Чичетти, навсегда откажись от Гвоздика, или будешь так плясать всю жизнь!

Гвоздик чувствовал, как все части его железного тела дёргались, словно в пляске святого Витта, и сильный жар пробегал у него по спине. Но он держался. А вот Чичетти не в состоянии был больше терпеть. Стуча зубами, будто кастаньетами, он запросил пощады: «Хватит! Я отказываюсь от всего, только прекратите эту пытку!»

Тогда Гвоздик выпустил провод, и полицейские упали на землю, точно заводные куклы, у которых кончился завод.

— Подпишите, что вы отказываетесь от всяких притязаний на Гвоздика! — приказал Пилукка, протягивая Чичетти лист бумаги. — Иначе я снова прибегну к электричеству!

— Хорошо, хорошо, я подпишу, — пролепетал Чичетти и трясущейся рукой поставил свою подпись.

Гвоздик и Пилукка обнялись, обезумевшие от радости — теперь они были свободны! Перлина тоже прибежала обнять Гвоздика, но тут же отскочила — у него вращались глаза и он как-то странно дрожал. «Не повредило ли ему электричество?» — озабоченно подумала девочка. Но ей не хотелось расстраивать Пилукку и Гвоздика, и она ничего не сказала.

Счастливые, они все трое отправились домой.

ГЛАВА XX

ДУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

Гвоздик снова увидел дом, в котором он родился; внутри у мальчика всё закрипело от волнения: наконец-то он сможет жить спокойно с папой и Перлиной, которую Пилукка с радостью принял в свою семью, как родную дочь.

Но когда ребята всего квартала гурьбой прибежали поздравить Гвоздика с возвращением, на железного мальчика неожиданно нашёл приступ гнева:

— Что вы смóтрите на меня? Я не цирковой клоун! Убирайтесь, а то я вам покажу!

Надо сказать, что с тех пор как по Гвоздику прошёл электрический ток, он не переставал дрожать. Мальчик стал злым и нервным и так сильно был заряжен электричеством, что, как только брал в руки лампочку, — она тотчас же загоралась. Из-за всякого пустяка Гвоздик сердился и так сильно топал ногами-утигами, что трескались кирпичные полы.

— Может быть, он нездоров, — беспокоилась Перлина, — или раскаивается в том, что взял меня с собой. . .

Однажды Гвоздик особенно грубо обидел девочку. Всё случилось в отсутствие папы Пилукки. Перлина уходила за провизией и вернулась домой почти с пустой сумкой, — ведь денег было так мало! Но бутылочку масла для Гвоздика она всё-таки купила. Этого масла ему должно было хватить на два дня, а он захотел выпить его сразу.

Перлина пыталась отговорить Гвоздика.

— Тебе будет плохо, — убеждала она его. — Ты хочешь остаться без обеда и ужина до послезавтра? Не капризничай. . .

Но, когда она отняла у него бутылочку и заперла её в буфет, Гвоздик, в злобе, выломал дверцу и выпил залпом всё масло. Выслушивать упрёки Перлины ему надоело, и он так сильно дёрнул её за косичку, что клочок волос остался у него в руке.

Услышав её всхлипывания, Гвоздик рассердился ещё больше:

— Противная, я терпеть тебя не могу, ты мне действуешь на нервы! Уходи из моего дома! — И тут он начал ломать всё, что попадалось ему под руку.

Перлина ужаснулась.

— Ты на самом деле хочешь, чтобы я ушла? — спросила она его со слезами в голосе.

— Конечно! — закричал Гвоздик. — Как ты этого не понимаешь?! Я не хочу больше тебя видеть!

Девочка стала бледной, как полотно. Дрожащим голосом она пробормотала:

— У тебя нет сердца. . . Прощай. . . — И, закрыв за собой дверь, ушла, не оборачиваясь.

Гвоздик сразу же раскаялся в своём поступке, но не хотел

унижаться и звать её обратно. «Вернётся», — подумал он. Но наступил вечер, а Перлина не возвращалась. Только тогда железный мальчик понял, что действительно стал злым и по собственной вине потерял свою единственную подругу.

— Перлина была права: у меня нет сердца! — в отчаянии воскликнул Гвоздик и заплакал. — Я неблагодарный! — От горя и стыда он бился головой о стену. — Как я буду жить без неё? Она сделала для меня столько добра, а я прогнал её из дому! Ах, папа, я хочу, чтобы у меня в груди было настоящее сердце, а не алюминиевый кофейник!

Увидев отчаяние Гвоздика, Пилукка, которому в голову пришла блестящая мысль, сказал:

— Если ты действительно хочешь иметь настоящее сердце, — так и быть, я сделаю тебе самое благородное и самое доброе на свете — золотое сердце!

ГЛАВА ХХІ

ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ ГВОЗДИКА

а следующий день папа Пилукка вышел из дому рано утром.

«Гвоздик не виноват в том, что он стал злым, — размышлял старик, — это электричество повредило моему мальчику. Но я его вылечу. Я сделаю ему сердце, какого ещё не было ни у кого на свете».

Некогда Пилукка жил более или менее в достатке и у него были золотые часы, но потом, когда он растратил всё своё состояние на изобретение Гвоздика, он вынужден был заложить часы в ломбард и сейчас направлялся туда, с тем чтобы их выкупить.

В ломбарде было два окошечка: у первого, куда закладывали вещи, стояла длинная очередь бедняков; у второго, где вещи выкупали, — не было никого.

Так как денег на выкуп часов у Пилукки не хватало, он

проделал простейшую операцию: на глазах у изумлённого служащего старый учёный достал из кармана щипцы, вырвал у себя два золотых зуба и заложил их. Ради благополучия Гвоздика он отдал бы и оставшиеся у него три собственных зуба.

Получив обратно свои чудесные золотые часы, Пилукка любовно погладил их:

— Гвоздик, сын мой, эти часы будут твоим сердцем! — прошамкал он: ведь после недавней операции он не мог говорить иначе.

Вернувшись домой, папа Пилукка показал своё сокровище Гвоздику; — тот пришёл в неопишуемый восторг. Не откладывая дела в долгий ящик, Пилукка велел мальчику лечь на стол, острым скальпелем вскрыл ему грудь в том месте, где у людей находится сердце, и вынул старый алюминиевый кофейник.

— Не удивительно, что такое сердце перестало работать, — воскликнул учёный, — ведь оно всё заржавело!

На место заржавленного кофейника Пилукка с большой

осторожностью вложил золотые часы, закрепил их стальным кольцом и запаял отверстие. Затем по проводу отвёл всё накопившееся в Гвоздике электричество в старый аккумулятор и таким образом не только вылечил Гвоздика от неврастении, но и запасся электроэнергией на целый год.

ГЛАВА XXII

ПО СЛЕДАМ СЛЁЗ, НАЖУЩИХСЯ БРИЛЛИАНТАМИ

езутешный Гвоздик побежал по всему городу искать Перлину. Его желание найти её было так велико, что второпях на своём пути он опрокидывал автобусы, деревья и прохожих.

-- Перлина, вернись! — звал он. — Где ты? Не покидай меня! .. Прости меня! ..

При каждом ударе золотого сердца Гвоздик чувствовал, как в нём растут стыд и угрызения совести. Он расспрашивал о Перлине прохожих, полицейских, искал её следы на земле, нюхал воздух. Но куда там! С его железным носом он не почувствовал бы даже запаха лука.

На помощь механическому мальчику пришли как раз те самые мальчишки, с которыми он поссорился, когда вернулся домой. Увидев опечаленного Гвоздика, дети забыли свои обиды, и один из них сказал:

— Ты ищешь плачущую девочку? Я видел её, она пошла вон туда. . .

Тотчас же все побежали в ту сторону, где мальчик встретил Перлину: может быть, ещё удастся найти какие-нибудь следы? И дети действительно нашли след. Как обрадовался Гвоздик! В том месте, где видели Перлину, начиналась цепочка блестящих капелек. Она тянулась по тротуару, а затем сворачивала за угол. Это были слёзы, пролитые Перли-

ной. Они были очень крупными и, не успев ещё высохнуть, сверкали, словно нить бриллиантов!

— Благодарю вас, друзья! — закричал Гвоздик, вне себя от радости и, пыхтя, как паровоз, бросился по сверкающему следу. Ребята в удивлении смотрели на него.

— Как он изменился! — сказал один из них. — Он снова стал прежним Гвоздиком!

Между тем железный мальчик бежал, охваченный беспокойством: «А что, если кто-нибудь вытер или смёл слёзы Перлины?» К счастью, этого не случилось, но произошло нечто другое, очень позабавившее Гвоздика. Один синьор, немного близорукий, принял эти капли за настоящие бриллианты и с жадностью бросился к ним. Представьте себе его разочарование, когда он не нашёл никаких бриллиантов, а только слегка замочил кончики пальцев. Увидев, в какое смешное положение попал этот синьор, другие прохожие притворились, будто не замечают блеска, и Гвоздик нашёл почти все драгоценные капли.

Но вдруг слёзы пропали. Это случилось у самого цирка; он возвышался в центре большой многолюдной площади. Гвоздик, летевший с быстротой молнии, так затормозил, что искры посыпались по мостовой. Какой ужас, единственный след — и тот исчез!

Что же произошло? Гвоздик перебрал в голове всё, но не смог догадаться, что случилось на самом деле: Перлина, увидев на улице перед началом представления парад цирковых наездников и клоунов, пришла в такой восторг, что перестала плакать. Она побежала вокруг цирка, в поисках какой-нибудь дырки, чтобы проскользнуть без билета.

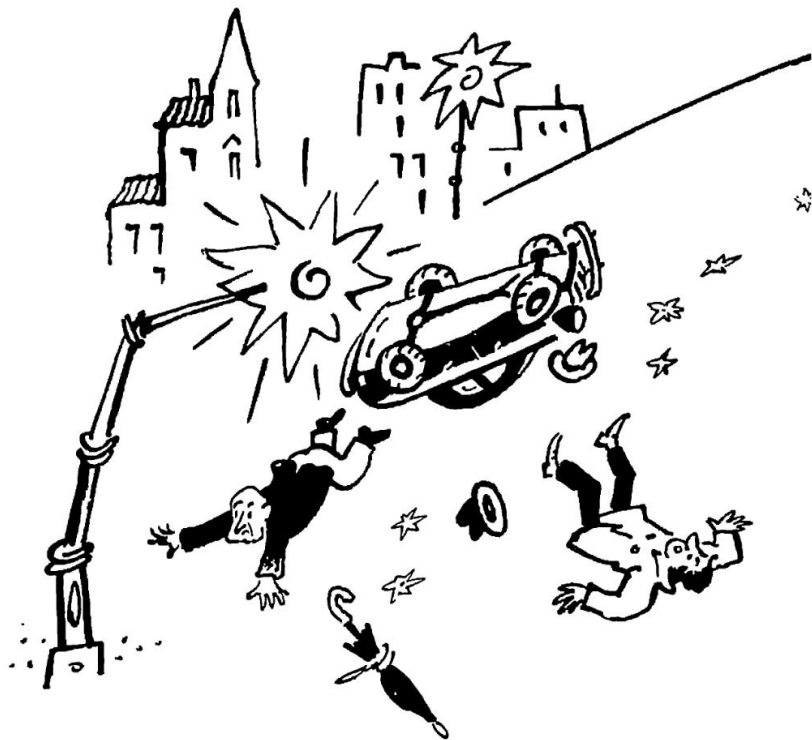

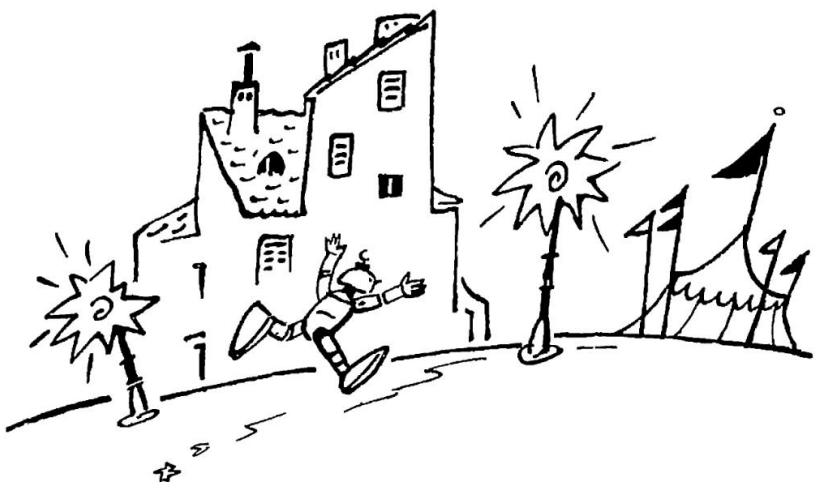
Тем временем Гвоздик останавливал всех встречных:

— Вы не видели слёзы? Кто взял их? Скажите, мне это очень важно! . .

Но никто, разумеется, не мог ему ничего ответить. Он стал бить себя кулаками по голове; раздался звон, словно ударили по дну кастрюльки. Но вдруг Гвоздик увидел Перлину... Да! Это была она! Перлина стояла в нескольких шагах от железного мальчика и, разинув рот, смотрела на афишу: она обошла цирк кругом и снова вернулась к входу.

— Перлина! — крикнул Гвоздик и, не успела девочка оглянуться, как он обнял её и поцеловал. — Прости меня, Перлина! Вернись домой!

★ Вначале девочка встретила его весьма сдержанно, она даже сказала ему:

★ — Как ты смеешь так развязно себя вести?

От этих слов Гвоздик покраснел (или, вернее, накалился, точно сковородка на огне). Но потом, когда он рассказал Перлине историю заржавленного кофейника и золотого сердца, которое сделал ему папа, девочка поняла, что Гвоздик не был виноват в своей злости. Однако девочка была очень гордая, и Гвоздику долго пришлось уговаривать её вернуться домой.

Трудно обмануть друга; Гвоздик сразу понял, что Перлина в глубине души уже простила его, и от счастья из его сердца вдруг раздалась безудержно весёлая музыка (его золотые часы-сердце не звонили, как будильник, зато это были часы с музыкой: обычно они играли раз в неделю, а сейчас, от радости, они заиграли на пять дней и семь часов раньше времени).

Эти неожиданные звуки сломили последнее сопротивление Перлины, а так как Гвоздик уже держал её за руки, то дети закружились в весёлом танце. Публика, которая направ-

лялась в цирк, останавливалась, думая, что это номер сверх программы. Но Гвоздик и Перлина, глядя друг другу в глаза, не обращали ни на кого внимания. Держась за руки и танцуя, они побежали домой по тому самому пути, который им указывали слёзы Перлины. . . Но чудо! Как только дети к ним приближались, слёзы, сверкнув в последний раз, испарялись и исчезали.

А в это время Пилукка стоял на пороге своего дома. Увидев танцующих Гвоздика и Перлину, он побежал им навстречу. Глаза его сияли, и от радости он приговаривал:

— Я был бедным одиноким стариком, а теперь я счастлив так, как может быть счастлив только любящий отец. Этим я обязан вам, мои дорогие дети!

**КОНЕЦ
ПЕРВОЙ
ЧАСТИ**

ГВОЗДИК СТАНОВИТСЯ ЗЛЫМ, КОГДА
ЕГО ЗОЛОТОЕ СЕРДЦЕ ПЕРЕСТАЁТ
БИТЬСЯ

лохо, когда перестаёт биться сердце; нехорошо также, если останавливаются часы, а поэтому совсем скверно, когда перестают работать часы, заменяющие собой сердце, особенно, если это сердце-часы принадлежит Гвоздику — стальному мальчику, обладающему огромной силой.

Пока золотое сердце Гвоздика было заведено и ровно билось, он был ласковым и добрым, но, как только оно останавливалось из-за того, что было не в порядке или кончался недельный завод, Гвоздик становился злым.

Но Перлина не была ни часовых дел мастером, ни учёным, а потому не знала секрета сердца-часов, и когда, по рассеянности, Гвоздик забывал завести своё сердце и становился злым, девочка сильно страдала, не понимая, что друг её в этом не виноват.

«Может быть, — думала с грустью Перлина, — я надоела ему и он хочет жить только с папой. На самом деле, кто я такая для них? Чужая, которую приютили из милости...»

Но как только Гвоздик снова заводил своё сердце и Перлина видела мальчика весёлым и жизнерадостным, она думала: «Нет, неправда, Гвоздик любит меня, и я для него самая настоящая сестричка.

Однажды Гвоздик сильно обидел Перлину, и она выплакала все свои слёзы. Девочка не подозревала, что в тот день у механического мальчика не только не было заведено сердце, но он ещё сунул палец в штепсель и от электрического тока стал очень нервным.

Воспользовавшись отсутствием Пилукки, Гвоздик дёрнул Перлину за косичку и ущипнул своими железными пальцами, а когда она осмелилась его упрекнуть, закричал:

— В своём доме я хозяин и делаю всё, что захочу! Если тебе не нравится моё поведение, можешь уходить!

Перлина заплакала от обиды.

— Если ты на самом деле этого хочешь, — сказала она сквозь слёзы, — я могу уйти!

— Уходи! Уходи! — закричал Гвоздик. — Я терпеть тебя не могу!

Вся в слезах, Перлина на цыпочках направилась к двери; на сердце у неё было очень тяжело.

— Ты правда хочешь, чтобы я ушла? — пролепетала она, переступая порог дома. — Ты меня действительно больше не любишь?

— Уфф! — тяжело вздохнул Гвоздик.

Тогда Перлина вышла, бесшумно прикрыв за собой дверь.

Философы говорят: нет ничего хуже горя, причинённого неожиданно и незаслуженно теми, кого мы сильно любим. Поэтому горе Перлины было очень велико.

ГЛАВА II

ГВОЗДИК ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ПОИСКИ ПЕРЛИНЫ

Перлина издали бросила последний взгляд на домик Гвоздика и Пилукки и с поникшей головой отправилась куда глаза глядят.

«Какое мне дело до этого злюки Гвоздика? — думала она про себя. — Пойду бродить по свету, забуду его и буду счастлива».

Но при этом она так сильно плакала, что слёзы капали ей на кончики туфель.

Долго шла она по городу и всякий раз, когда слышала голоса или шаги у себя за спиной, вздрагивала, думая, не Гвоз-

дик ли это бежит за ней, чтобы попросить прощения. Но Гвоздик не побежал догонять Перлину, и носки её туфелек совсем полиняли от потока горьких слёз.

«Ну и пусть, — подумала девочка, — если Гвоздик больше меня не любит, я обойду весь свет и постараюсь его забыть».

В эту минуту к ней подошла странная пожилая синьора; она держала на руках кота, собачку и клетку с попугаем. Синьора была одета очень элегантно, но старомодно, как одевались пятьдесят лет тому назад, а на шее у неё на чёрной ленточке висел золотой лорнет.

— Девочка, не поможешь ли ты мне нести клетку? — спросила она. — За это я дам тебе булочку с маслом.

Горе, как известно, влечёт за собой голод, поэтому вы можете себе представить, как голодна была Перлина.

— Хорошо, синьора, — ответила девочка и, взяв клетку с попугаем, пошла за странной дамой.

А как же Гвоздик? Неужели он действительно стал таким злым, что даже выгнал Перлину из дому? Конечно, нет. Когда

вернулся домой Пилукка и завёл ему сердце-часы, Гвоздика так стали мучить угрызения совести, что он весь заскрипел от горя.

— Несчастный! — кричал он. — Как я мог выгнать Перлину!? Я себе этого никогда не прощу!

И в отчаянии он с такой силой начал биться головой о стену, что посыпалась штукатурка, стали падать кирпичи, и, если бы его не сдержал папа Пилукка, он разрушил бы весь дом.

— Папа, что мне теперь делать?

— Правда, голова у тебя железная, — ответил учёный, — но всё же тебе и самому следовало бы знать, как вести себя. Иди ищи Перлину, обыщи весь город, а если понадобится, — обойди весь свет, но обязательно найди её, попроси прощения и приведи обратно домой!

— Правильно! — закричал Гвоздик, хлопнув себя рукой по лбу, отчего раздался звон, словно от удара молота по наковальне.

Не теряя времени, он обнял папу и отправился на поиски Перлины.

— Не забывай заводить сердце каждую неделю! — напомнил ему напоследок Пилукка. — И не возвращайся без Перлины. Желаю тебе удачи, сынок!

Проводив Гвоздика до двери, Пилукка долго махал ему на прощанье и плакал от радости и печали: ему грустно было расставаться со своим сыном, но вместе с тем он был счастлив — таким поступком Гвоздик доказал, что у него действительно золотое сердце.

Гвоздика сильно мучили угрызения совести, и он бегом отправился искать Перлину; исколесил весь город и своими железными ногами так истоптал мостовую, что ему угрожал штраф за повреждение общественной территории.

Но Гвоздик думал только о Перлине. Он обыскал весь город вдоль и поперёк и уже решил идти в другие края, когда вспомнил, что не зашёл в цирк.

«Перлина любит цирк, — подумал он. — Может быть, она пошла посмотреть представление?»

ГВОЗДИК НЕ НАХОДИТ В ЦИРКЕ ПЕРЛИНУ, ЗАТО НАХОДИТ РАБОТУ

воздик собирался войти в цирк, но навстречу ему хлынул поток публики: спектакль был окончен. Повиснув на фонаре, железный мальчик принялся осматривать толпу, в надежде увидеть Перлину. Но вот все зрители вышли, униформисты заперли двери, а Перлины нигде не было.

«Может быть, она осталась там?» — мелькнуло в голове Гвоздика. Это была последняя надежда. Желая окончательно убедиться в своем предположении, он нырнул под тент — огромный парусиновый навес — и очутился в цирке.

Но что это? Наездники, акробаты, клоуны, униформисты — все бежали, унося кто стул, кто подпорки для тента, а кто, схватив за уздечку, тащил за собой лошадь. Но не подумайте, что это был грабёж! Просто разбирали цирк в связи с переездом в другой город.

Гвоздик, оставаясь незамеченным, вертелся среди загримированных и одетых самым странным образом людей; глазами он искал Перлину.

Вдруг железный мальчик обо что-то споткнулся: это был огромный чемодан, который сам собой двигался вперёд!

Удивлённый Гвоздик присмотрелся получше. Нет! Чемодан двигался не сам собой: его тащили, тяжело пыхтя и обливаясь потом, три крохотных человечка — три лилипута.

— Давайте я вам помогу, — невольно вырвалось у Гвоздика. — Куда отнести чемодан?

— В фургон,¹ — хором ответили лилипуты. — Но если уж ты такой добрый, то позволь и нам сесть сверху. С нашими коротенькими ножками добраться до фургона — дело нелёгкое; для нас это целое путешествие.

¹ Ф у р г о н — крытая повозка.

Гвоздик поднял чемодан вместе с маленькими человечками и понёс. Тем временем лилипуты, сидя на чемодане, шептались между собой.

— Да он железный! — сказал один из них. — Я никогда не видел таких детей!

— Ну и что же? — возразил другой. — Может быть, для этого он прошёл специальный курс лечения.

— Во всяком случае, он, должно быть, сделан из особого железа, — заключил третий. — Я никогда ещё не встречал такого любезного и хорошего мальчика!

Гвоздик отнёс чемодан вместе с лилипутами в фургон, стоявший недалеко от цирка. Но фургон трёх лилипутов только лишь назывался фургоном, на самом деле это был игрушечный домик на колёсах.

— Какой ты милый, — сказал один из лилипутов, обращаясь к Гвоздику, — ты избавил нас от большого труда.

— Чего чего, а работы нам хватает! — добавил другой. — Если бы ты знал, как мы живём! Не успеешь окончить представления, как сразу же в дорогу!

— Мы нигде не задерживаемся ни на минуту! — продолжал третий. — Сегодня здесь, а завтра уже далеко. . .

При этих словах у Гвоздика, который больше не надеялся найти Перлину в родном городе, возникла гениальная идея.

— А если я поступлю работать в цирк, — сказал он, — я тоже смогу объехать все города в поисках девочки, которая мне очень дорога?

— Конечно! В каждом городе, где мы выступаем, все жители приходят смотреть наши представления. К тому же тебе повезло, — директор сейчас как раз ищет новых артистов.

Не теряя времени, лилипуты решили представить Гвоздика директору цирка.

— Но, — сказал один из них, почёсывая себе ухо, — в цирке мне никогда ещё не приходилось видеть ни одного артиста, который был бы целиком из железа.

— Директор может испугаться, — прибавил другой.

— Пустяки, — успокоил их третий, — это дело поправимое: стóит только его замаскировать, и директор ничего не заметит.

В мгновение ока лилипуты раздобыли для Гвоздика старый джемпер и берет, помогли одеться и проводили к директору.

Высокий и толстый, с грудью, увешанной орденами и медалями, директор, словно генерал, стоял посреди арены и командовал людьми, разбиравшими цирк. Он окинул взглядом Гвоздика и с пренебрежением спросил:

— Что ты умеешь делать?

— Откровенно говоря, ничего! — смущённо признался Гвоздик, уже не сомневаясь в том, что ему откажут.

— Вот и прекрасно! — воскликнул директор, к великому его удивлению. — Как раз я ищу людей, которые ничего не умеют; я их научу тому, что мне нужно. Можешь считать себя принятым! Добро пожаловать в наш славный цирк!

Своим необдуманным решением директор только подтвердил ту самую истину, согласно которой все, кто работает в цирке, немного сумасшедшие.

Цирк вскоре был разобран, и караван фургонов двинулся в путь.

Лилипуты предложили Гвоздику ехать в их фургончике, в который, само собой разумеется, был запряжён крохотный пони.

— Вы очень любезны, — сказал Гвоздик, — но я предпочитаю дышать свежим воздухом. Если вы не возражаете, я лягу на крыше!

Гвоздик не хотел обижать лилипутов, но он прекрасно понимал, что в фургончике с трудом поместилась бы одна его нога. Он растянулся на крыше и во время пути беседовал с тремя лилипутами, которые выглядывали из трёх окошек.

— Меня зовут Нано, — сказал один.

— Меня — Нанé, — сказал другой.

— Меня — Нанí, — сказал третий и, тяжело вздохнув, добавил: — все мы — близнецы-братья; это сразу же видно, сто́ит только на нас посмотреть.

Затем оказалось, что всех троих волновал один и тот же вопрос:

— Скажи, Гвоздик, до каких лет растут люди?

— Хм... не знаю! — смущённо произнёс Гвоздик. — Я всегда был таким, как сейчас.

— И мы тоже! — сказал Нанó. — Но тебе повезло: ты большой и сильный, а мы — наоборот. Видишь, какими маленькими мы родились? Но кто знает, может быть, когда нам исполнится сорок лет, мы тоже начнём расти.

Бедняжки, видно, очень страдали оттого, что родились такими маленькими. Гвоздик почувствовал, как его часы-сердце учащённо забились. Ах, если бы он мог взять этих трёх лилипутов за голову и за ноги и тянуть до тех пор, пока они не стали бы такими же высокими, как нормальные люди!

Вдруг караван остановился. Дорога шла в гору, и гордые

цирковые лошади, украшенные перьями, привыкшие проделывать упражнения на кончиках копыт, заупрямились и не хотели двигаться дальше. Тогда директор позвал свою дочь, высокомерную и прекрасную наездницу Оп-ля (её так назы-

вали потому, что во время своих выступлений она то и дело восклицала «оп-ля!»).

— Заставь своих лошадей сдвинуться с места, — приказал директор дочери, — а то мы опоздаем к началу спектакля!

Но Оп-ля, ещё более тщеславная, чем её лошади, возмутилась:

— Я — артистка, а не извозчик! — При этом она побледнела, затем покраснела, пожелтела и даже чуть не упала в об-

морок. — Я выступаю только перед десятью тысячами зрителей!

Тогда Гвоздик, которому не терпелось как можно скорее добраться до ближайшего города, накинул на себя плащ и побежал к первому фургону.

— А ну-ка я попробую! — воскликнул он, выпрягая головных лошадей. — Привязывайте фуруны один к другому.

— Дурачок, что ты хочешь делать? — закричала на него Оп-ля. — Лошадьми распоряжаюсь я!

Но Гвоздик, не обращая на неё внимания, взялся за оглобли первого фургона и втащил весь караван на вершину горы. Теперь спокойно можно было продолжать путь. Все присутствовавшие при этом были поражены.

«Вот это сила! — подумал восхищённый директор. — Из этого мальчика я сделаю великого артиста!»

ГЛАВА IV,

В КОТОРОЙ ОЧЕНЬ КРАТКО
ГОВОРИТСЯ О ПЕРЛИНЕ

о что произошло тем временем с Перлиной? Она, как мы знаем, пошла за пожилой дамой, неся клетку с попугаем.

— Синьора, — сказала, наконец, девочка, — мне пора возвращаться.

— Как? — возмутилась дама, привыкшая всё за всех решать сама. — Я же взяла тебя в компаньонки. . . Теперь ты должна развлекать меня и всюду меня сопровождать. Разве ты не получила в задаток булочку? И потом, не забывай называть меня Миледи. — Ну, живо садись, — приказала она, показывая на огромный автомобиль, около которого, любезно придерживая открытую дверцу, сняв шляпу и низко кланяясь, стоял шофёр в ливрее.

— Но я. . . — попыталась было возразить удивлённая Перлина.

— Можешь меня не благодарить, — коротко отрезала Миледи. — Ты сразу же примешься за работу. Прежде всего ты причешешь попугая и разжухёшь для кота печёнку. Бел-няжка, он старый и беззубый. . . Знаешь, я очень люблю животных и готова сделать для них всё, что угодно. Шофёр, заводи машину.

Миледи действительно была очень странной женщиной. Перлина едва успела это подумать, как шофёр включил мотор и они поехали.

ГВОЗДИК ПЫТАЕТСЯ СТАТЬ ЖОНГЛЁРОМ, КАНАТОХОДЦЕМ, ВОЗДУШНЫМ ГИМНАСТОМ, НО В КОНЦЕ КОНЦОВ СТАНОВИТСЯ УНИФОРМИСТОМ

Как только прибыли в город, где решено было дать представление, директор велел натянуть большой цирковой тент и позвать Гвоздика.

— Я видел, ты энергичный мальчик, — сказал он. — Сейчас мы посмотрим, на что ты способен. Ромпиколло, иди-ка сюда!

Гвоздик увидел странного человека, который приближался, подпрыгивая только на одной руке, а другой рукой подбрасывал и ловил на лету шесть бутылок, в то время как ноги его были сплетены в воздухе.

Это был знаменитый жонглёр.

— Гвоздик, — приказал директор, — бери бутылки и попробуй повторить упражнение!

— Слушаюсь, синьор!

Но, как только Гвоздик взял у Ромпиколло бутылки, то ли от волнения, то ли потому, что у него были железные руки, он разбил их все до одной.

— Хм, жонглёр вряд ли из тебя получится, — решил директор. — Посмотрим теперь, какой из тебя выйдет канатоходец.

Гвоздик должен был пройти по проволоке, натянутой на высоте двух метров от земли.

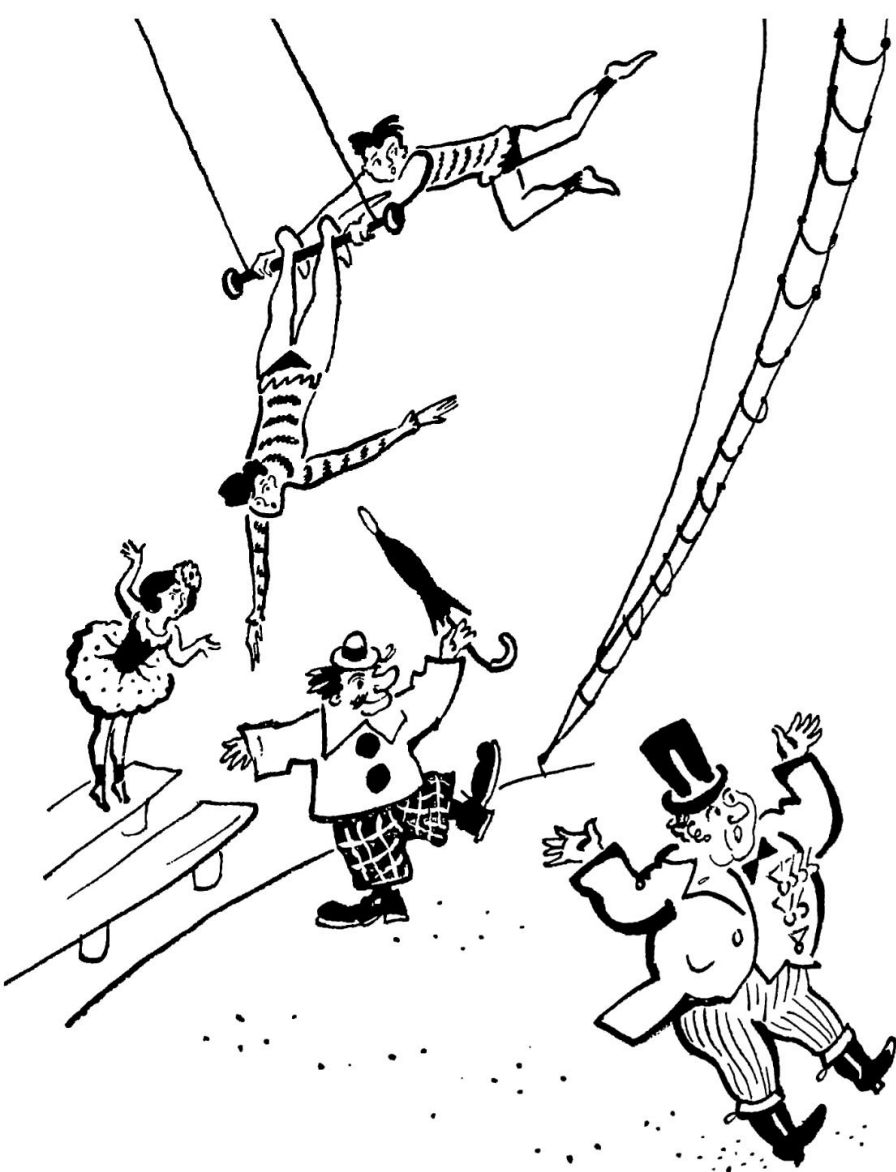
— Но, синьор директор, — сказал Гвоздик, — не лучше ли ходить по доске шириной в полметра? Так по крайней мере не будет риска упасть.

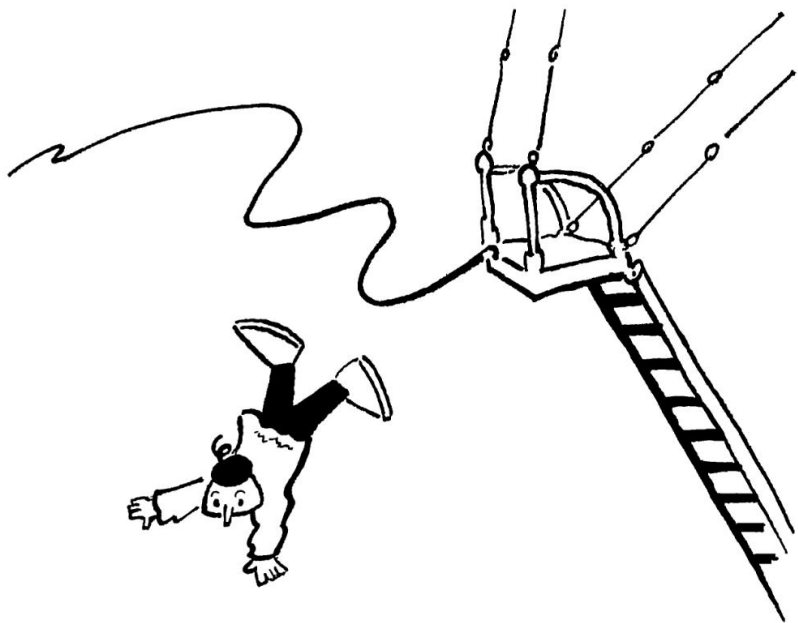
Представьте себе, как смеялась над ним наездница Оп-ля. Она с первой же встречи невзлюбила Гвоздика и — лишь бы мальчишка не был принят в цирк — готова была пойти на всё, и даже на один вечер отказаться от аплодисментов, хотя апло-

дисменты для неё были важнее всего на свете. Но Гвоздик, не обращая на неё внимания, поднялся по лесенке и подошёл к натянутой проволоке.

— Это очень просто, — подбодрил его директор. — Вытяни руки в стороны и иди.

Так он и сделал, но едва ступил на проволоку, как от чрезмерного груза она лопнула, и Гвоздик, с широко расставленными руками, точно самолёт, спикировал на самую середину арены.

— Проклятье! Ты же ничего не умеешь делать! — вырвалось у директора, к великой радости Оп-ля. Но Гвоздик так умолял разрешить ему попробовать ещё какой-нибудь номер, что директор согласился.

— Ну ладно, так и быть, — сказал он. — Раз ты так мастерски летаешь, попробуй работать на трапеции.

В цирке было два воздушных гимнаста — братья Нуволино и Нуволетта — Облако и Облачко. Звали их так потому, что они носились в воздухе, словно два лёгких облачка, и всегда были одеты в костюмы небесно-голубого цвета.

Гвоздик забрался к ним под купол цирка, так высоко, что директор оттуда казался мошкой. Нуволино и Нуволетта из всех сил старались помочь мальчику.

— Ты оставайся здесь, — объясняли они, — а мы с трапецией подлетим к тебе. Как только мы приблизимся, прыгай и хватайся за наши руки. Понял?

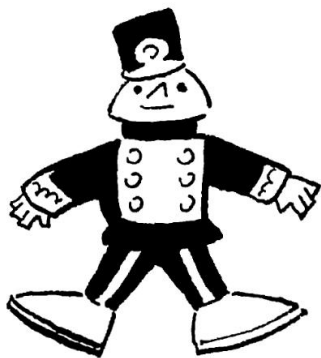
Директор скомандовал: «Готовы? Пошли!» — и оба брата, точно птицы, держась за трапецию, полетели по направлению к Гвоздику.

— Прыгай! — крикнули они. — Мы тебя подхватим!

Гвоздик, не раздумывая, прыгнул... К несчастью, ему удалось ухватиться за руки Нуволино и Нуволетты; он оторвал их от трапеции и потащил вниз. Хорошо, что под ними была натянута сетка, куда оба гимнаста прыгнули, как резиновые мячи. Но Гвоздик, летевший, точно железный шар, со скоростью ста километров в час, пробил сетку и упал вниз головой на арену, зарывшись в песок по самую грудь.

— Довольно! — закричал разъярённый директор. — С меня хватит; я не хочу, чтобы ты разрушил цирк! Есть только одно место, подходящее для тебя, — место униформиста!

Разбитый, с помятой головой, Гвоздик удалился, сопровождаемый презрительным взглядом Оп-ля. Но его тотчас же окружили трое лилипутов.

— Не огорчайся, — сказал Нанó.

— Ведь для тебя самое главное остаться в цирке, и это тебе удалось, — добавил Нанé.

— И, кроме того, униформист — весьма почётное занятие, — заключил Нанí.

Они так утешали его, что Гвоздик в конце концов успокоился. «Правда, — решил он, — в цирке ведь я остался, а это самое верное средство найти Перлину!»

В обязанности униформиста входило подметать пол и кормить зверей, а для Гвоздика, который привык пить только бензин и масло, было весьма нелёгким делом запомнить, что мясо нужно давать льву, а сено — лошадям. Он мог накормить животных машинным маслом, и у них бы начался понос. Но железному мальчику помогли Нанó, Нанé и Нанí: они быстро научили его всему, что нужно. Кроме того, костюм и шапка униформиста были удобны тем, что скрывали железное тело.

ГЛАВА V

ВРАГ ГВОЗДИКА — МУСТАККИО

воздику очень нравился цирк: по сути дела ведь цирк — тоже не что иное, как огромная машина, и все механизмы его — люди и животные — находятся в непрерывном движении.

Кроме того, все артисты цирка такие необыкновенные, что Гвоздик, тоже, как вы знаете, достаточно необыкновенный, чувствовал себя среди них, словно рыба в воде. Если бы он не испытывал угрызений совести из-за того, что обидел Перлину, ему было бы совсем весело. Да и как не смеяться, если «гуттаперчевый человек», жонглёр Ромпиколло, даже когда спал, обвивался вокруг стула или укладывался в коробку из-под ботинок?! Как не хохотать до упаду, слушая клоуна Ридарелло, который открывал рот специально для того, чтобы

говорить остроты. Стараясь всегда казаться весёлым, он даже нарисовал себе рот до самых ушей.

За день до начала представлений Гвоздик зашёл подмести зверинец и увидел сцену, заставившую его докрасна раскалиться от гнева: укротитель львов Мустакио, подняв за шиворот трёх лилипутов, держал их перед клеткой со львами и кричал:

— Сейчас же скажите «добрый день, синьор Мустакио, низжайшее вам почтение», или я брошу вас в клетку!

Дело в том, что Мустакио, знаменитый укротитель, относился ко всем с презрением и высокомерием, особенно к трём лилипутам, над которыми всячески издевался, называя их самыми унижительными именами. Лилипуты дрожали от злости, но ничего не могли поделать с таким огромным человеком, как Мустакио. Одних его знаменитых усов было достаточно, чтобы заставить трепетать весь цирк! У Нанó, Нанé и Нанí оставалось одно средство для выражения своей ненависти к укротителю — не здороваться с ним.

Так было и в тот день. Мустакио, увидев, что лилипуты его не приветствуют, схватил их и поднёс к клетке со львами.

Но маленькие человечки, упрямые и смелые, затаив дыхание, не издавали ни единого звука, несмотря на то, что укротитель всё ближе и ближе подносил их к хищникам.

— Позор! — закричал возмущённый Гвоздик. — Как не стыдно вам издеваться над слабыми?! — Недолго думая, он прыгнул на Мустакио, вырвал лилипутов из его рук и осторожно поставил их на землю.

Огромные усы Мустакио от гнева поднялись, точно кошачьи хвосты.

— Как ты смеешь, жалкий униформист, вмешиваться в дела самого смелого человека на свете, знаменитого укротителя Мустакио?! — (Вы видите, он не страдал от избытка скромности!) — Вот тебе, грубиян, получай и запомни!

Тут он ударил Гвоздика хлыстом по лицу, но железное тело мальчика не пробила бы и бомба, а поэтому он даже не крикнул «ай!»

— Гром и молния! Как, я, знаменитый укротитель, кото-

рого бояться львы и тигры, не могу заставить тебя моргнуть глазом?! — закричал взбешённый Мустакио и изо всех сил принялся хлестать Гвоздика. Лилипуты дрожали. Но Гвоздику от этих ударов даже не было щекотно. Конечно, в другой раз он заставил бы дорого заплатить за подобное оскорбление, но теперь, прислушавшись к тиканью своего золотого сердца, он ограничился тем, что хлопнул Мустакио по плечу и сказал: «Успокойтесь!» Это был лёгкий дружеский удар, но и его было достаточно, чтобы повалить Мустакио на землю.

Как раз в этот момент в зверинец вошла дочь директора, Оп-ля.

— Что ты делаешь на земле, Мустакио? — удивлённо спросила она.

— Я... я... искал... пуговицу! — смущённо пролепетал Мустаккио. Затем, приходя в себя, добавил: — Лучше уйдём отсюда, не то я разорву на куски этого мальчишку! Он уже получил у меня урок, который, надеюсь, запомнится ему надолго.

Надувшись, словно павлин, под руку с Оп-ля укротитель направился к выходу. Но лилипуты заставили его поплатиться за ложь и чванство: они ловко натянули у него под ногами верёвку. Мустаккио споткнулся и полетел вверх тормашками, угодив лицом прямо в ведро с помоями. Мустаккио кричал и шипел от злости, но лилипуты успели спрятаться за метлой, и ему ничего не оставалось делать, как уйти прочь.

С этого дня Гвоздик заключил союз с Нано, Нанé и Нанí. Лилипуты были бесконечно благодарны мальчику за оказанную помощь и поклялись ему в вечной дружбе. Но с того же самого дня в числе его врагов, кроме Оп-ля, оказался знаменитый укротитель львов — грозный Мустаккио.

аконец-то Гвоздик увидел представление!

По правде сказать, вначале он почти не смотрел на арену, а больше разглядывал публику, искал среди зрителей Перлину. Но девочки в цирке не было.

— И куда только она пропала? — удивлялся Гвоздик. — Вдруг я её так никогда и не найду?!

Чтобы не думать больше о Перлине, он стал смотреть на артистов и мало-помалу увлёкся представлением.

Ведь цирк, известное дело, как шестерня, — зацепит тебя одним зубчиком и уж не выпустит больше.

Всё начинается с весёлой музыки, от которой даже хромоту хочется танцевать, а потом один за другим идут номера и сменяются так быстро, что прямо диву даёшься, как это у артистов здорово получается.

Правда, бегать и работать в таком бешеном темпе их заставляет директор: он стоит с хлыстом в руке у выхода на арену, нетерпеливо стучит ногой в пол — и люди и животные слушаются его беспрекословно.

Гвоздик, который первый раз был в цирке, пришёл в восторг и смотрел на всё широко раскрытыми глазами.

Нуволино и Нуволетта под самым куполом, словно две ласточки, перелетали с трапеции на трапецию. «Гуттаперчевый человек» Ромпиколло ходил по канату, жонглировал одновременно шестью шарами и ни разу не уронил ни одного, а клоун Ридарелло то и дело умолкал, чтобы дать зрителям отдышаться от смеха.

Вдруг публика замерла: на арене начали устанавливать клетку для львов. Когда вошёл Мустакио — Грозные Усы, в красной куртке, и, словно индюк, надувшись от спеси, подошёл к дверце, зрители разразились громом рукоплесканий.

Надо, впрочем, признать, что Мустакио заслуживал аплодисменты. Не то, чтобы он был замечательным укротителем, но в клетку со львами он всё-таки входил, правда, вооружённый пистолетами, ружьями, трезубцами, саблями и хлыстами: ведь в таком деле, несомненно, нужна особая осторожность.

Публика была в восторге: по приказанию Мустакио львы прыгали с тумбы на тумбу, бегали вокруг арены, послушно ложились.

Однако самые бурные аплодисменты выпали на долю трёх лилипутов: Нанó, Нанé и Нанí. На трёх малюсеньких велосипедах они выехали на арену и понеслись. Они сделали круг, молниеносно поднялись по шестам, на которых держался купол цирка, и добрались до огромной, сверкающей огнями люстры.

Наездница Оп-ля позавидовала малышам, испугалась, что после их номера она не будет иметь успеха, поэтому раньше времени вскочила на свою белую лошадь и выехала на арену.

Увидев, что за ними гонится огромное скачущее чудовище, Нанó, Нанé и Нанí столкнулись друг с другом, упали с велосипедов, с криком бросились к Гвоздику и спрятались за его спиной. Публика смеялась над испугом трёх малышей, а довольная своей проделкой наездница Оп-ля на свободной арене стала показывать высокое искусство верховой езды.

Гвоздику, который терпеть не мог зазнайства, это не понравилось.

«Какая она противная и злая! — подумал он. — Вот я сейчас проучу её!»

Он притаился за шестом, у самой арены, улучил момент, когда Оп-ля галопом проносилась мимо, и схватил её лошадь за хвост. Благородное животное, почувствовав его железную руку, сразу же остановилось, а Оп-ля с разгона вылетела на самую середину цирка.

Однако Гвоздику этого было мало: он поднял трёх лилипутов и бросил их, словно три резиновых мячика, на ло-

шадь. Нанó, Нанé и Нанí примостились на спине огромного животного и, потешно гримасничая, закружили по арене. Оп-ля в бессильной ярости лежала на земле; белый костюм её перепачкался в песке, а зрители так и покатывались со смеху.

Только после представления взбешённая Оп-ля узнала от Мустакию, кто сыграл с ней такую шутку.

Она хотела уже бежать за Гвоздиком, чтобы надавать ему пощёчин, но укротитель, хорошо знавший силу железного мальчика, удержал её.

— Не пачкай своих прелестных белых ручек о физиономию уличного мальчишки, — лицемерно сказал он. — Есть гораздо лучший способ отомстить: надо добиться, чтобы этого грубияна выгнали из цирка. И тогда мы навсегда избавимся от него.

ГЛАВА VIII,

ГДЕ СНОВА ОЧЕНЬ КРАТКО ГОВОРИТСЯ О ПЕРЛИНЕ

последний раз мы видели Перлину с Миледи в автомобиле. Теперь девочка жила в одном из самых роскошных особняков города.

Не спрашивая Перлину, согласна она или нет, Миледи сделала её своей компаньонкой.

Дама была добра, но полна капризов и разных причуд, как все старые аристократки, живущие в полном одиночестве. Поэтому она предъявляла к своей компаньонке самые странные требования: каждый день в продолжение целого часа Перлина училась делать реверансы; так она обязана была приветствовать знатных подруг Миледи, и ещё целый час она должна была учить попугая говорить гостям: «Моё нижайшее почтение, графиня», «Честь имею кланяться, баронесса».

Кроме того, Перлина, в белом переднике, перчатках и накрахмаленной наkolке на голове, подавала кушанье и чай. Плохо приходилось девочке, если она подносила блюда с правой, а не с левой стороны, как полагается по правилам хорошего тона. Миледи так бранила её, как будто бедная девочка совершила настоящее преступление.

По вечерам Перлина обязана была до поздней ночи читать Миледи вслух скучнейшие романы, так как старая дама страдала бессонницей; а когда, наконец, Перлине разрешали идти спать, она должна была брать в свою крохотную каморку

попугая, кота и собачку: Миледи не желала, чтобы животные ночью разгуливали по всему дому.

— Ах, какая я несчастная! — вздыхала Перлина, поворачиваясь с боку на бок в своей кроватке, в то время как кот и собака возились у неё на одеяле. — Вся беда в том, что я не привыкла к обществу старых аристократок; я привыкла жить с людьми простыми и добрыми, как Гвоздик.

При мысли о Гвоздике глаза её наполнялись слезами. «Конечно, я плохо сделала, что ушла от него! Но вернуться к нему... нет, я не хочу унижаться».

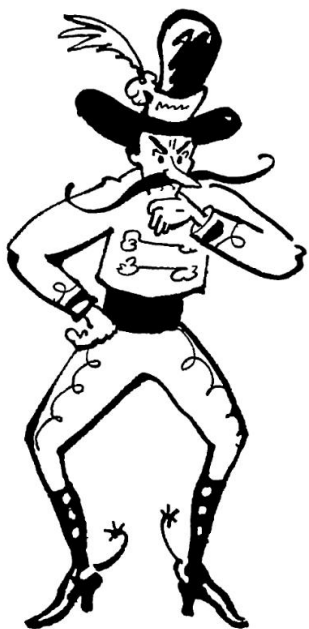
Так жила Перлина и была очень несчастна.

ГЛАВА IX

ЗАГОВОР УДАЁТСЯ, И ГВОЗДИКА УВОЛЬНЯЮТ ИЗ ЦИРКА

тобы избавиться от железного мальчика, Мустаккио и Оп-ля изобрели сто один способ. Прежде всего они заставили его делать самую унижительную работу—чистить конюшни. Они надеялись, что Гвоздик сам уйдёт из цирка. Но

так как у Гвоздика нос был железный, то и в зловонной конюшне мальчик работал с обычным усердием. Тогда они придумали ему новую обязанность: под предлогом того, что лошадям ни в коем случае нельзя жиреть, его заставили каждый день три часа подряд бегать с ними вокруг арены. Но лёгкие у Гвоздика были тоже железные, и он мог бегать не то что три часа, а хоть шесть дней подряд. Один только раз он остановился: ему пришлось завести своё сердце-часы, — от такой нагрузки их завод быстро подходил к концу.

— Что же нам ещё придумать? — бесился Мустакио. — Прикажу ему погонять вокруг арены слонов; посмотрим, как-то он с этим справится!

Но не тут-то было! Гвоздик хватал слонов за хобот, те упирались ногами в землю, а он с такой силой тащил их за собой, что огромные животные катились за ним, как на роликах. Одним словом, из ста одного хитроумного способа Мустакио уже испробовал девяносто семь, и всё безрезультатно. Тогда он пустил в ход девяносто восьмой, самый коварный. Он украл из дневной порции львов лучшие куски мяса, а потом заявил, что их съел Гвоздик, и потащил мальчика на расправу к директору. Откровенно говоря, директор сначала этому не поверил, но, когда его родная дочь Оп-ля не краснея сказала: «Я это видела собственными глазами», — ему пришлось согласиться с тем, что Гвоздик действительно виноват.

— Неправда! — возмущался Гвоздик. — Я ничего не брал. И зачем мне мясо? Ведь я питаюсь машинным маслом и

бензином! — Рядом как раз стоял бидон с бензином, и Гвоздик, в доказательство того, что говорит правду, немедленно осушил его до половины. Но никакие объяснения не помогли, и директор тут же уволил железного мальчика.

Как только Нанó, Нанé и Нани узнали, что по ложному обвинению Гвоздика прогнали из цирка, они страшно возмутились и решили отомстить ненавистному Мустакию.

— Гвоздик не виноват, это так же верно, как то, что я лилипут! — воскликнул Нанó.

— Какая несправедливость — наказывать невинного! — прибавил Нанé.

— Клянусь честью лилипута, мы жестоко проучим настоящего виновника преступления! — закричал Нанí. Вооружившись, словно щитами, крышками от кастрюль, три крошечных рыцаря смело отправились к Мустакию, чтобы вызвать его на дуэль.

— Мы будем драться до последней капли крови! — хором кричали три маленьких братца.

Но когда они подошли к фургону укротителя и заглянули внутрь, то разразились неудержимым хохотом.

Мустакию сидел на шкафу. Усы у него дрожали, он был страшно бледен и вытаращенными глазами смотрел на крохотного мышонка, который грыз на полу корочку сыра.

— Вот это здóрово! — воскликнул Нанó.

— И это грозный Мустакию, укротитель тигров и львов? — прибавил Нанé.

— Он боится мышей! — закричал Нанí, держась за живот от смеха.

Сушая правда: Мустакию так ужасно боялся мышей и чувствовал к ним такое отвращение, что предпочёл бы встретиться с тысячью разъярённых львов, чем с одним мышонком.

Лилипуты тотчас же побежали к Гвоздику: они уже придумали, как проучить Мустакио!

В это время Гвоздик с картонной коробкой под мышкой — в ней было всё его имущество — медленно выходил из цирка.

— Гвоздик, послушай, что мы придумали! — закричали наперебой лилипуты. — Подожди до окончания завтрашнего спектакля: ты прямо лопнешь от смеха и увидишь, как будет наказан Мустакио!

ГЛАВА X

УКРОТИТЕЛЬ ЛЬВОВ БОИТСЯ МЫШЕЙ!

илипутам удалось уговорить Гвоздика, и он остался ещё на один день.

Вечером Гвоздик вместе с другими зрителями пришёл в цирк, а чтобы не платить за вход, оделся в костюм униформиста. Он внимательно следил за представлением, но всё, казалось, шло как обычно.

Когда, наконец, на арене установили клетку для львов и Мустакио вышел, чтобы начать свой номер, три лилипута подмигнули Гвоздику, как бы говоря: «Вот теперь начнётся самое интересное!»

Мустакио, как всегда, гордо закрутил усы, выпятил колесом грудь и, убедившись в том, что ружья и пистолеты заряжены, а сабли, кинжалы и трезубцы отточены и находятся под рукой, вошёл в клетку.

Обычно он начинал выступление торжественным обращением к публике.

— Синьоры, смотрите и восхищайтесь! Ни один укротитель в мире не решался на такие смелые номера... Аплодируйте, не стесняйтесь: вам никогда больше не удастся увидеть такого храброго укротителя, как я...

Это была неправда, но на публику хвастливые фразы Мустакио производили впечатление, и все аплодировали.

Тем временем Гвоздик, у которого при одном виде Мустакио зачесались руки, недоумевал: «Зачем лилипуты задержали меня? Всё идёт, как обычно...»

Гвоздик уже собирался уйти, как вдруг вытаращил от изумления глаза: Нано, Нанё и Нанí тихонько крались по арене и тащили мышеловку с тремя мышатами.

«Что они, с ума сошли, что ли?» — подумал Гвоздик. Но как раз в это мгновение лилипуты приставили мышеловку вплотную к клетке и открыли дверцу. Крохотные зверьки, испугавшись публики, выскочили из мышеловки и замерли перед львами.

Но если львы не обратили внимания на трёх маленьких зверьков с острыми мордочками, зато обратил на них внимание — да ещё какое! — как бы вы думали, кто? Грозный Мустакио, знаменитый укротитель, самый храбрый человек в мире, как гласили афиши и только что хвастливо заявил он сам. Увидев мышат, он испустил вопль, от которого чуть не лопнул холст на куполе цирка. Потом, бросив хлыст и трезубцы, Мустакио, как сумасшедший, заметался по клетке, от страха никак не попадая в дверцу.

Зрители не верили своим глазам, и Гвоздик тоже. До сих пор одни лилипуты знали, как Мустакио боится мышей.

Наконец укротителю удалось выскочить из клетки, и он с безумным криком побежал по арене. Тут публика очнулась от изумления: «Как! И это самый храбрый человек на свете! Он трус! Он боится мышей! Нас обманули!» Со всех сторон принялись свистеть, поднялся страшный переполох.

Директор выпустил на арену свою дочь Оп-ля, чтобы она, гарцуя вокруг клетки со львами, отвлекла внимание зрителей. Но ребята из верхних рядов, самая дерзкая и задорная публика, стали бросать в неё помидорами и гнилыми фруктами.

Белое платье наездницы покрылось пятнами, по лицу потёк томатный сок, и взбешённая Оп-ля, вся в слезах, вынуждена была покинуть арену.

Никогда ещё не бывало в цирке подобного скандала.

«Давайте номер со львами, долой наездницу! — вопила публика. — Давайте настоящего укротителя!»

Директор в отчаянии рвал на себе волосы.

— Но где же я вам возьму другого укротителя? Я разорён! Всё погибло!

На беднягу было жалко смотреть.

Гвоздик забыл обиду, нанесённую ему директором. Его золотое сердце учащённо забилося, и, протиснувшись сквозь толпу, он подбежал к самой клетке.

— Синьоры, — закричал механический мальчик, — возвращайтесь на свои места! Номер со львами продолжается. Сейчас войду в клетку я!

ГЛАВА XI

ГВОЗДИК В КЛЕТКЕ СО ЛЬВАМИ

видев, что мальчик, одетый в костюм униформиста, вошёл в клетку со львами, публика затихла. Директор закрыл глаза руками.

— Бедный Гвоздик, — пробормотал он, — он хочет спасти честь своего директора и отдаёт себя на растерзание!

Но Гвоздику нечего было бояться львов. Он боялся только, что не сумеет занять публику. Львы с изумлением смотрели на него, а он растерянно прохаживался между ними и только приговаривал:

— Кис-кис, кис-кис, ну будьте же умницами, покажите публике, как вы умеете работать.

Услышав, что с ними обращаются, словно с домашними кошками, львы рассвирепели.

— Нам, царям зверей, говорят «кис-кис»! — зарычал самый старый лев. — Мы покажем этому грубияну, который не состоит в профсоюзе укротителей, как заходить в нашу клетку! — И, раскрыв огромную пасть, старый лев, а за ним и другие бросились на Гвоздика.

Разъярённые хищники повалили мальчика, и он исчез с глаз публики. Раздался крик ужаса. По лицам трёх липутов, Ридарелло и Ромпиколло потекли слёзы: они думали, что звери уже проглотили Гвоздика. Но случилось нечто удивительное: львы завизжали, как щенята, и стали кататься по клет-

ке, выплёвывая выбитые зубы: никогда ещё не попадалась им такая твёрдая кость!

А Гвоздик, как ни в чём не бывало, с улыбкой встал на ноги — он был цел и невредим, и только платье его оказалось разорванным.

— Кис-кис! — спокойно позвал он. — Смелей, мои лвятки, не бойтесь! — Но львы продолжали, словно безумные, кружиться по клетке. В конце концов Гвоздику удалось схватить одного из них за хвост; бедняжка задрожал и завизжал так, словно просил пощады.

— Эй ты, нечего капризничать! — Гвоздик погрозил ему пальцем и для большей убедительности стукнул железным кулаком по голове.

Лев сейчас же, жалобно хныкая, начал прыгать с тумбы на тумбу и ходить на задних лапах, иначе говоря, стал проделывать все номера, которым был обучен.

Тогда Гвоздик потребовал от зверей ещё большего: одного льва он заставил кувыркаться, другого — стоять вниз головой, а лев и львица, поднявшись на задние лапы, прошлись у него под ручку. Одним словом, представление получилось изумительное: львы, из боязни получить ещё одну железную затрещину, были послушны, как собачки; и когда номер окончился, раздались бурные аплодисменты.

Никогда ещё ни один укротитель не имел такого головокружительного успеха.

Три лилипута, Ромпиколло и Ридарелло подняли Гвоздика на руки и с триумфом унесли за кулисы. Зрители от восторга кричали «браво» и требовали повторить номер. Директор прыгал от радости, так что медали на его груди звенели, словно маленький оркестр.

— Ты спас меня, Гвоздик! Дай я тебя поцелую! — И он порывисто бросился на шею Гвоздика. Но вслед за этим раздался не звук поцелуя, а крик боли: ничего не подозревавший директор расквасил себе нос о железные щёки Гвоздика.

— Да ты железный! Весь железный! — завопил он, стуча костяшками пальцев по груди Гвоздика, который, увидев, что тайна его открыта, страшно испугался.

Но директор от радости забыл и свой разбитый нос, и свою боль.

— Железный мальчик! — закричал он. — Какой замечательный аттракцион! Да это будет такой сенсационный номер, какого никогда ещё не видели на свете! Я уже представляю себе афишу: «Гвоздик, железный укротитель». Да это богатство! Это слава! — И он тут же предложил Гвоздику заключить чрезвычайно выгодный контракт.

— Твоё имя будет написано вот такими огромными буквами на тысячах афиш! Ты объездишь весь свет. Ну скажи, что ты согласен.

Услышав об афишах и путешествиях, Гвоздик сейчас же подумал о Перлине: теперь-то уж она узнает, где он находится.

Гвоздик на всё согласился.

Артисты закричали «ура!» Только Оп-ля, скривив губы, пренебрежительно произнесла:

— Сколько шуму из-за куска старого железа! — Тут она получила от своего папаша, директора цирка, такую пощёчину, которая не только заставила её замолчать, но и разгладила пренебрежительную гримасу.

ГЛАВА XII

ГВОЗДИК СТАНОВИТСЯ ЗНАМЕНИТЫМ, НО ОСТАЁТСЯ ПЕЧАЛЬНЫМ

Для Гвоздика наступили дни головокружительно-го успеха. У входа в цирк появилась большая афиша, где рядом с огромным портретом железного мальчика красовались слова: «Гвоздик, железный укротитель».

Каждый вечер цирк был до отказа набит зрителями, а на улице стояла длинная очередь людей, желавших получить билет хотя бы на завтрашнее представление.

Под дробь барабанов и звуки фанфар Гвоздик, в красной куртке, выходил на арену. Вместо хлыста он, словно дирижёр,

держал в руке лёгкую деревянную палочку. Этого ему было достаточно, чтобы командовать львами. Они очень боялись Гвоздика, и директор приказал ежедневно для бодрости духа и смелости выдавать им двойную порцию мяса, а перед самым представлением — по стакану виноградного вина.

От страха львы даже научились делать двойное сальто мортале и возить Гвоздика на спине. Не желая разгневать своего грозного и неуязвимого повелителя, они, кажется, с удовольствием дали бы обстричь себе гриву и кисточку на кончике хвоста — эмблему того, что лев — царь зверей.

Однажды во время представления молодой лев увидел на арене пуговицу, схватил её в зубы и уже готов был проглотить, но Гвоздик бросился к нему и залез головой прямо в звериную пасть.

— Отдай сейчас же! Ты подавишься! — закричал он.

Зрители побледнели от ужаса, но опасность грозила не Гвоздику, а льву, и бедняжка действительно разинул пасть как можно шире, чтобы железная голова и руки не обломали ему зубы. А когда неуязвимый укротитель, найдя пуговицу, вытащил голову из львиной глотки, зрители разразились такими рукоплесканиями, что Гвоздик решил повторять этот трюк на каждом представлении...

Механический мальчик не был честолюбив и решил разделить свой успех с друзьями.

Гвоздик научил львов катать на спине трёх лилипутов, и

дикие звери делали это очень осторожно; если же маленький человечек случайно скатывался на землю, лев принимался ласково лизать его, только бы Гвоздик не подумал, что он сбросил своего седока нарочно.

В прежние времена этот же лев проглотил бы трёх братцев одним махом, а теперь звери боялись лилипутов — друзей их грозного укротителя, и публика была в восторге.

Каждый вечер представление кончалось настоящим триумфом Гвоздика. И каждый вечер после представления Гвоздик просил у публики минутку внимания и грустным голосом произносил:

— Перлина, если ты здесь, знай, я глубоко раскаиваюсь в том, что обидел тебя. Вернись ко мне! . . — И потом прибавлял: — Если кто-нибудь из вас, синьоры, знает что-либо о Перлине, очень прошу сообщить мне об этом.

Но никто ни разу не ответил Гвоздику, и каждый вечер он уходил с арены печальный, опустив голову, несмотря на рукоплескания и восторженные крики зрителей.

В каждом городе, куда приезжал цирк, Гвоздик, как только у него выдавалась свободная минутка, бежал искать Перлину.

Артисты цирка знали печальную историю Гвоздика; все, конечно кроме Мустаккио и Оп-ля, всячески старались утешить его. Странствующие актёры — народ пылкий, горячий, увлекающийся, они всегда легко привязываются к людям, и понятна их горячая любовь к Гвоздику, который не только помогал всем, но и делился успехом с другими.

Лилипуты старались развлечь его, рассказывали забавные истории, кувыркались и прыгали, щекотали его — всё было напрасно: им не удавалось вызвать у Гвоздика даже улыбки. Ри-

дарелло — а смешить он был мастер — нарочно изобрёл разные новые фокусы. Например, он наливал себе в ухо пиво, а затем вытаскивал из кармана два полных стакана, не пролив при этом ни капли. Но даже глядя на него, Гвоздик не смеялся.

— Понимаю, ты не любишь пива, — продолжал Ридарелло и, словно по волшебству, доставал из кармана огромный бидон бензина: — Ну, уж это должно тебе понравиться!

Гвоздик не хотел и бензина.

Его никак не удавалось рассмешить, и это очень огорчало актёров: ведь рассмешить Гвоздика им хотелось, пожалуй, ещё больше, чем публику.

Но вот кто радовался беде Гвоздика, так это Мустакио. После того как он постыдно убежал с арены, директор послал его чистить конюшни; за это бывший укротитель всеми силами души возненавидел Гвоздика, который занял его место и в клетке со львами и в сердце зрителей.

Мустакио Грозные Усы и Оп-ля часто встречались тайком и строили тысячи планов, как бы им освободиться от железного мальчишки.

Мустакио, усы которого уже давно не стояли торчком, а печально висели, топал ногами и плакал, как ребёнок:

— У-у-у! Хочу опять быть укротителем, не хочу чистить конюшни!

Оп-ля старалась утешить его:

— Подожди, мы ещё добьёмся своего, — говорила она. — Я не успокоюсь до тех пор, пока этот железный хлам не выкинут из цирка! Из-за него никто больше не обращает внимания на мой номер и не аплодирует мне.

ГЛАВА XIII

МИЛЕДИ ГОВОРИТ: „АХ, КАКОЙ УЖАС!“ —
ГЛАВА БЫСТРО КОНЧАЕТСЯ И ПЕРЛИНА
ОСТАЁТСЯ ПЕЧАЛЬНОЙ

Как вы помните, Гвоздик поступил работать в цирк, чтобы скорее разыскать Перлину. Каждый вечер он обращался к зрителям и спрашивал, не встречал ли её кто-нибудь, но до сих пор ему ничего не удалось узнать.

Наконец цирк прибыл в город, где жила Перлина. В тот же день, катаясь с Миледи в карете, девочка проехала мимо цирка. Вот как это случилось.

Тент только начали устанавливать и как раз собирались повесить большую афишу, где аршинными буквами было выведено: «Гвоздик, железный укротитель». Но афишу держали так, что Перлине не видны были эти слова. Однако. . .

— Ах, Миледи, как мне хочется пойти в цирк! — вырвалось у девочки.

Миледи наморщила нос.

— Какой ужас! — сказала она. — Разве ты не знаешь, что цирк — зрелище для черни? Нет, ты пойдёшь сегодня вечером на концерт классической музыки.

Карета проехала, и афиша с именем Гвоздика осталась позади. Бедная Перлина, ей действительно не везло!

Если бы она прочитала афишу, то с радостью прибежала бы к Гвоздику: ведь она не только простила его, но за время разлуки поняла, что никогда у неё не было такого верного друга, как железный мальчик.

одно прекрасное утро актёры репетировали на арене свои номера. Вдруг Нуволино и Нуволетта, раскачиваясь на трапедии, увидели какого-то старичка. Он робко заглядывал в щёлку занавеса.

— Что вам угодно? — спросили актёры, подлетая к нему на трапедии.

Но не успел старичок пробормотать и двух слов, как воздушные гимнасты радостно закричали:

— Неужели? Это вы? . . Мы сейчас отнесём вас к нему. . . по воздуху.

И, схватив гостя под мышки, они подняли его с земли, перелетели арену и оказались над Гвоздиком, который репетировал новый номер со львами.

— Гвоздик! — закричали они. — К тебе гость! — и опустили старичка так ловко, что он сел прямо на спину Гвоздику.

— Папа Пилукка! — и мальчик запрыгал от радости.

Действительно, старичок, которого Нуволетта и Нуволино бросили прямо в объятия Гвоздика, оказался папой Пилуккой: он не в силах был терпеть дольше разлуку со своим сыночком и решил его проведать.

Читатель может себе представить, сколько им надо было всего пересказать друг другу. Конечно, они сейчас же заговорили о Перлине, но Пилукка тоже нигде не встречал её; можно было подумать, что девочка провалилась сквозь землю.

Увидев, как это огорчило Гвоздика, папа Пилукка стал его утешать:

— Давай я останусь с тобой; я не совсем ещё старый, могу работать, а когда я поселюсь здесь, в цирке, ты не будешь больше чувствовать себя таким одиноким. . .

— Нет, папочка, — отвечал Гвоздик, — вы не должны больше работать, вам пора уже отдохнуть. И потом смотрите. . .

Он показал свою копилку — такая копилка могла быть только у Гвоздика, — целиком из стали. Чтобы скорее открыть её, железный мальчик сунул два пальца в замочную скважину и — крак — вскрыл стальной ящичек, из которого посыпался целый дождь золотых монет.

— Вот мои сбережения, возьмите их, папочка; всё это ваше. Вы теперь не должны ни в чём нуждаться, будьте хоть вы счастливы!

При виде такой доброты у папы Пилукки даже слёзы выступили на глазах. . . Почему же Перлина не хочет простить Гвоздика и вернуться к нему? Ведь он заслуживает прощения, хотя и обошёлся с ней дурно.

Несколько дней Пилукка гостил в цирке, и Гвоздик проводил с ним всё свободное время.

Узнав, что Пилукка — отец Гвоздика, все актёры полюбили его и старались изо всех сил сделать ему приятное. Даже животные относились к нему с уважением: львы каждый раз, когда он проходил мимо их клетки, отвешивали ему глубокий поклон, а слоны просовывали хобот между прутьями, чтобы почтительно пожать ему руку.

Но папа Пилукка всё-таки был печален, так как очень беспокоился, не о себе, конечно, а о Гвоздике, который сильно тосковал.

Старый учёный огорчался, что не может, несмотря на все свои знания, вылечить, то есть, конечно, не «вылечить», а почи-

нить грустное настроение своего механического мальчика. Ведь и у машины, как мы знаем, тоже может быть разное настроение. То она еле движется, медленно перебирая колёсами, то мчится на последней скорости.

Когда наступил день отъезда, Пилукка решил проверить, как работает сердце Гвоздика. Он уложил мальчика на койку в его фургоне, открыл дверцу на груди, с тысячью предосторожностей вынул золотое сердце и очень тщательно осмотрел все его зубчики и колёсики.

Старый учёный был так погружён в эту тонкую операцию, что не заметил, как две пары глаз следили за ним через окошечко. Такие злые глаза могли быть только у Мустаккио и Оп-ля.

— Проклятие! — воскликнул бывший укротитель. — У этого ненавистного Гвоздика, оказывается, в груди бьётся чрезвычайно нежное сердце!

— Теперь, когда мы узнали его слабое место, — прибавила Оп-ля, — мы уж сумеем расправиться с ним!

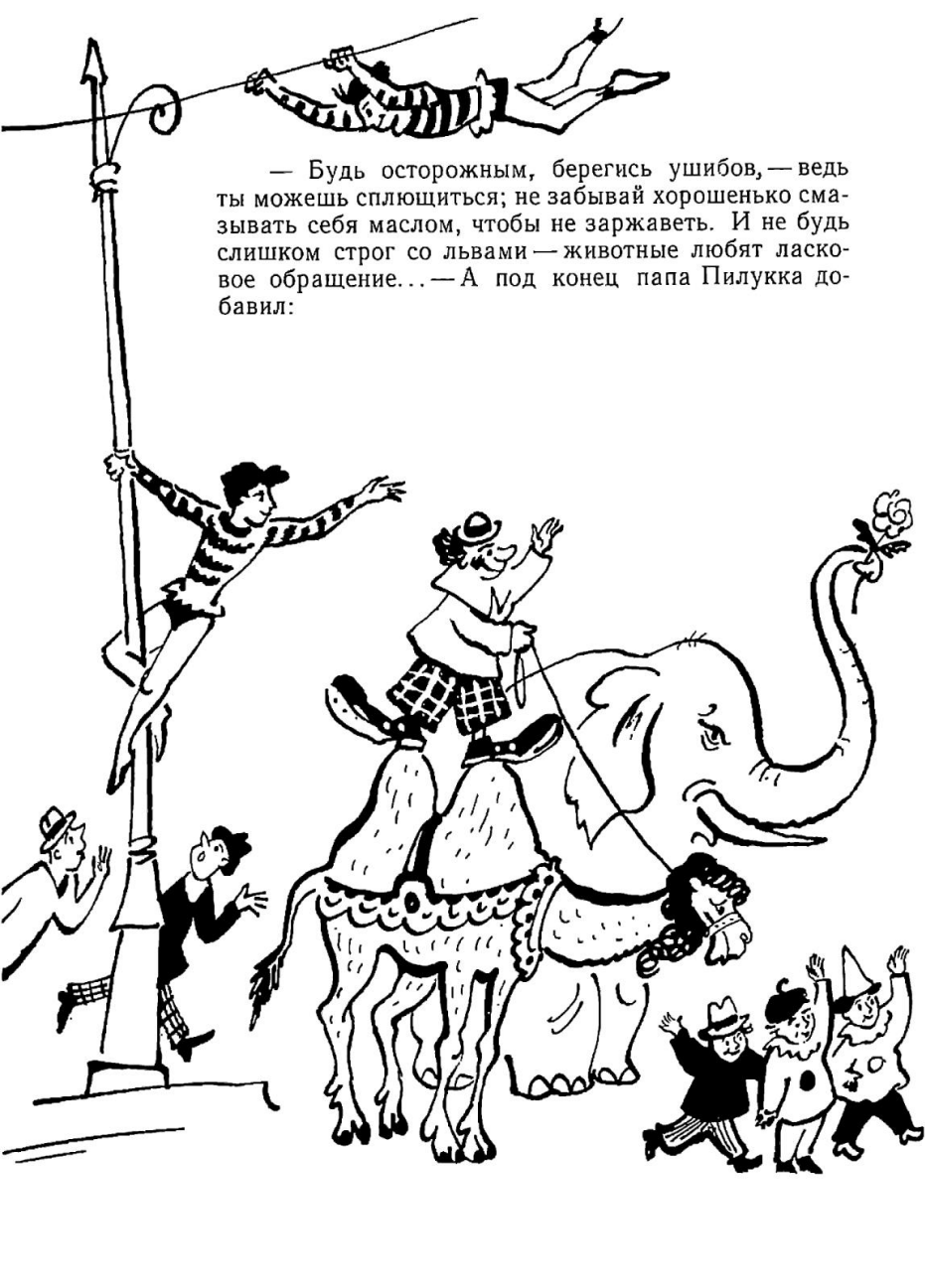
Гвоздик, ничего не подозревая, пошёл провожать на вокзал папу Пилукку; с ними отправились все его цирковые друзья — и люди, и животные.

Гвоздик с Пилуккой открывали шествие. Гвоздик вёл на поводке трёх львят. За ними семенили лилипуты в праздничных костюмах. Дальше, гримасничая и балагурия, шёл на ходулях Ромпиколло; за ним верхом на верблюде ехал Ридарелло; на трамвайных проводах проделывали свои головокружительные трюки воздушные гимнасты — Нуволино и Нуволетта.

Позади, как заправский носильщик, выступал слон с чехомоданом Пилукки на спине.

При виде необыкновенного шествия прохожие хлопали в ладоши и приветствовали Пилукку: благодаря пышной свите его принимали по меньшей мере за индийского магараджу.

На вокзале папа Пилукка поцеловал Гвоздика и, как все родители на свете, стал давать ему тысячу наставлений, разумеется таких, каким мог следовать железный мальчик.

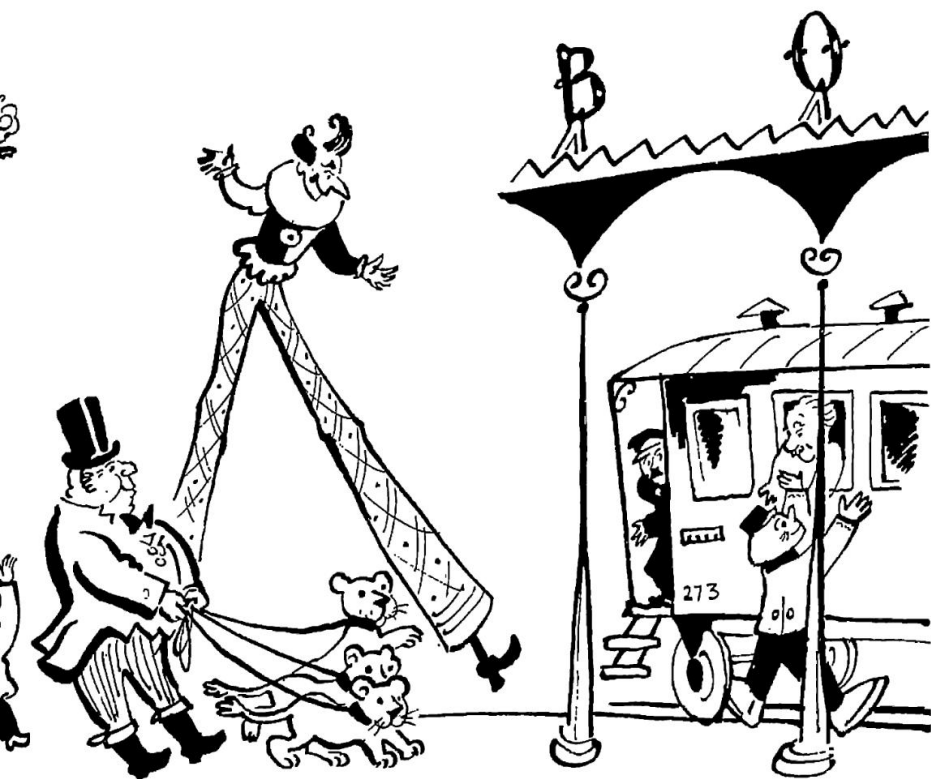

— Будь осторожным, берегись ушибов, — ведь ты можешь сплющиться; не забывай хорошенько смазывать себя маслом, чтобы не заржаветь. И не будь слишком строг со львами — животные любят ласковое обращение... — А под конец папа Пилукка добавил:

— И не отчаивайся из-за Перлины, я уверен, что она скоро найдётся.

Начальник станции дал сигнал отправления, раздался паровозный гудок, но Гвоздик, чтобы продлить расставание, пустил в ход одну из своих «шуток»: он поставил железную ногу под колесо вагона, так что поезд не мог сдвинуться с места. Только когда Пилукка вырвался из его объятий, Гвоздик убрал ногу. Поезд пронзительно загудел, тронулся и пошёл, увозя Пилукку, который долго ещё махал платком из окошка.

После отъезда Пилукки Мустаккио и Оп-ля не замедлили воспользоваться своим открытием. Однажды ночью, когда Гвоздик спал у себя в фургоне, Оп-ля сказала Мустаккио: «Ну, настало время избавиться от этого железного хлама. — Она теперь иначе не называла Гвоздика. — Если ты хочешь снова занять своё прежнее место укротителя, ты должен разбить часы, которые бьются у него в груди вместо сердца. . .»

Мустаккио, по правде сказать, страшно боялся даже близко подойти к Гвоздику, но не подавал вида, что трусит. Он пробрался в фургон и маленьким буравчиком начал сверлить грудь железного мальчика.

Гвоздику стало щекотно, он подумал, что это блоха, и, не открывая глаз — бац — хлопнул себя железной ладонью по груди. . .

Бедный Мустаккио! Ещё немножко, и голова его расплющилась бы в лепёшку! Физиономия его перекосилась и помялась, словно по ней прошёлся дорожный каток.

— Мустаккио, бедняжка, что с тобой? У тебя судорога! — воскликнул Гвоздик, открыв глаза: его разбудил пронзительный вопль Мустаккио. И так как железный мальчик был добрым и отзывчивым, то он залепил бывшему укротителю ещё одну затрещину, чтобы выпрямить ему физиономию. Лицо Мустаккио действительно выпрямилось, но зато он пулей вылетел из фургона и упал прямо на спину своей подруге. Это смягчило падение Мустаккио, но зато Оп-ля оказалась вся в синяках. Таким образом оба получили по заслугам.

Теперь милая парочка старалась держаться подальше от железного мальчика, не переставая, однако, строить всё более коварные планы. Гвоздик, которому не удавалось ничего узнать о Перлине, с каждым днём становился печальнее, и напрасно

друзья старались развеселить его новыми шутками. Чтобы порадовать их, Гвоздик делал вид, будто ему весело, но однажды вечером его охватила сильнейшая тоска, и он не сумел скрыть её.

— Бедная Перлина! — тяжело вздохнул он. — Что-то сейчас с ней! Это я во всём виноват! Может быть, она голодает; может быть, заболела.

При этих словах Ридарелло, который всегда шутил и смеялся, стараясь развеселить Гвоздика, вдруг заплакал.

— Что с тобой? Это что, новая шутка? — спросил его изумлённый Гвоздик. Ему казалось невероятным, что клоун, который всю свою жизнь только и делал, что смеялся, может плакать по-настоящему.

— Прости меня, — сказал Ридарелло сквозь слёзы, — но твои слова разбередили рану, которую я всё время пытаюсь скрыть. Моя дочурка больна, тяжело больна... и может умереть...

— Её нужно лечить! — воскликнул Гвоздик. — Я и не знал, что у тебя есть дочка! Почему ты никогда не говорил мне о ней?

— Я не хотел огорчать своих друзей... Да, кроме того, всё равно ничего не поделаешь! Чтобы лечить её, нужны доктор и лекарства, а у меня нет денег.

Тут золотое сердце Гвоздика забилося так сильно, что казалось, выскочит из груди.

Мальчик побежал в свой фургон и вернулся, неся в руках заработок за целый месяц.

— Возьми, это всё твоё. И беги сейчас же домой. Не беспокойся о вечернем представлении, я заменю тебя!

Ридарелло не хотел ничего брать, но Гвоздик настаивал, и в конце концов клоун, бормоча тысячу благодарностей, взял деньги и ушёл.

Это принесло счастье не только его дочке и ему, но, как вы увидите дальше, и самому Гвоздику.

От хорошего худа не бывает!

НАКОНЕЦ-ТО И НА ДОЛЮ ПЕРЛИНЫ
ВЫПАДАЕТ БОЛЬШАЯ РАДОСТЬ И
ДЛИННАЯ-ПРЕДЛИННАЯ ГЛАВА

Ридарелло купил лекарства на деньги Гвоздика и побежал домой к своей больной дочке. Девочку взяли лечить лучшие доктора; ей сразу стало легче, она начала поправляться и, наконец, выздоровела.

И чем лучше становилось малютке, тем больше росла в сердце Ридарелло признательность к Гвоздику. Бедный клоун был счастлив, такого же счастья он желал Гвоздику, который не переставал грустить о Перлине, — мальчик никак не мог разыскать свою подругу. Очевидно, надо было помочь ему найти эту девочку. Но как, если даже самому Гвоздику это не удавалось?

Думал Ридарелло, думал, и, наконец, придумал: в один прекрасный день, когда он слушал радио, в голову ему вдруг пришла мысль, от которой он так и подпрыгнул.

Сейчас же побежал он на радио и дал там объявление.

«Где бы Перлина ни находилась, — подумал Ридарелло, — девочка обязательно услышит этот призыв и, если у неё в самом деле доброе сердце, она пожалеет Гвоздика».

В день, когда объявление передавали по радио, Перлина в белых перчатках, передничке и накрахмаленной наколке, подавала чай Миледи, стараясь не наступить на собачонку и кота, которые всё время вертелись у неё под ногами.

— Ты всё ещё не научилась держать поднос на трёх пальцах! — сердилась Миледи. — Какая же ты глупая! Ну, живее! Ты медлительна, как черепаха!

В ответ Перлина только глотала слёзы. Но в это мгновение из радиоприёмника послышался громкий голос: «Внимание! Внимание! Гвоздик разыскивает Перлину. Если Перлина слышит нас, пусть сейчас же возвращается к Гвоздику. Он ждёт её в цирке».

Перлина подскочила так, будто наступила на сотню иголок, и поднос с чайным прибором опрокинулся прямо на Миледи.

— Невежа, грубиянка, дура! — закричала Миледи.

Но Перлина больше её не слушала. Одним прыжком она оказалась у двери, одним пинком отшвырнула ненавистных собачонку и кота. . . ещё прыжок — и она оказалась на улице.

Девочка сорвала с себя передник, перчатки, накрахмаленную наколку и с криком: «Да здравствует свобода! Гвоздик, я здесь!» — понеслась к цирку, как ракета.

Она бежала не переводя дыхания, словно стремилась завоевать первенство на соревнованиях.

— Эй, синьорина, а билет? . . — закричал кассир из своего окошечка, когда она с разгона перескочила порог, точно линию финиша.

— Гвоздик заплатит! — не останавливаясь, крикнула Перлина и, не обращая внимания на контролёров, побежала к арене.

Гвоздик исполнял номер со львами. Наступил самый драматический момент: он сунул голову в пасть зверя. И вдруг среди напряжённого молчания раздался крик, от которого все подскочили:

— Гвоздик, это я — Перлина! Я вернулась к тебе!

Голова Гвоздика в этот момент находилась в пасти льва.

Услышав голос Перлины, железный мальчик так вздрогнул, что ударил затылком прямо по зубам хищника, и, верно, ни одному зубному врачу не приходилось слышать такого вопля, какой вырвался у бедного зверя, но ещё громче закричал Гвоздик:

— Перлина, это ты?! — И он бросился ей навстречу, забыв закрыть за собой дверцу клетки.

Сердце Перлины запрыгало от радости. А золотое сердечко Гвоздика весело заиграло. Мальчик и девочка взяли за руки и заплясали под сердечную музыку.

— Она простила меня! Она простила меня! — пел Гвоздик.

— Я нашла его! Я нашла его! — пела Перлина.

Публика замерла от изумления. Но какой поднялся пере-

полох, когда львы через открытую дверцу один за другим на-
нали выходить из клетки!

Зрители бросились врассыпную.

— Спасите! Нас съедят! — вопили перепуганные люди.

Но паника продолжалась всего одну секунду. Гвоздик, оставив Перлину, бросился к львам, стал хватать их за хвосты и одного за другим вталкивать обратно в клетку.

— Непослушные звери, — бранил он их, — вас ни на мину-
ту нельзя оставить одних, вы сейчас же начинаете безобраз-
ничать. Синьоры заплатили за билет, а вы хотели съесть синьо-
ров! Мы с вами поговорим ещё как следует после представ-
ления!

В этот вечер спектакль кончился настоящим праздником в честь Перлины. Все в цирке слышали о ней и знали, как Гвоздик любил её, и поэтому вышли на арену, чтобы торжественно отметить встречу Перлины и Гвоздика.

Лилипуты кувыркались от восторга, Нуволино и Нуволетта спустились с трапеции и преподнесли Перлине букет цветов,

а Ромпиколло, стоя на голове, продекламировал приветственные стихи. Директор тоже принял участие в общей радости: он приказал оркестру сыграть триумфальный марш. Никогда ещё в цирке не было такого шума и такого веселья. Одним словом, Перлина и Гвоздик встретились так хорошо, как только можно было придумать.

После спектакля директор, боясь, как бы Гвоздик не ушёл вместе с Перлиной, пригласил её остаться в цирке.

— Благодарю вас, — ответила ему Перлина, — но даже если бы вы мне этого не предложили, я всё равно осталась бы здесь. Теперь ничто уже не может разлучить нас с Гвоздиком; и потом, мне у вас в цирке очень нравится.

Только двое не участвовали в общем веселье: Оп-ля и Мустаккио. Они так ненавидели Гвоздика, что его радость доставила им настоящее огорчение.

— Мне не нужны нахлебники в моём цирке, — ворчала Оп-ля, со злостью глядя на Перлину; Оп-ля, дочь директора, держала себя как настоящая хозяйка.

— Совершенно верно, — согласился Мустаккио, — поэтому нужно поскорее избавиться от Гвоздика. — И в то время как все пили за здоровье Перлины, бывший укротитель побежал к телефону и набрал номер.

— Алло! Это атаман шайки Тек-Тек?

В трубке раздался рёв, от которого задрожал аппарат.

— Да, это я, Джо Косой Глаз собственной персоной.

— Тогда слушай... — и голос Мустаккио перешёл в шёпот.

Шайка Тек-Тек, надо вам сказать, была самой грозной разбойничьей бандой в городе. Если бы у Джо Косого Глаза была визитная карточка, то на ней стояло бы: «Осуждённый всеми судами мира, лауреат самых знаменитых тюрем, академик краж со взломом, почётный член всех окрестных шаек, специалист по грабёжам, мошенничествам, шантажу, вымогательству, контрабанде...» и так далее... Мы не продолжаем этого перечня, так как иначе глава оказалась бы слишком длинной.

а следующий же день после телефонного разговора с Мустаккио две подозрительные личности, затесавшиеся среди публики, внимательно следили за Гвоздиком. Это были Джо Косой Глаз, атаман шайки Тек-Тек, и его правая рука — Пистолда — Пистолет.

Оба то и дело почёсывались, но не от блох, а оттого, что их щекотали револьверы, автоматы и кинжалы, спрятанные под одеждой.

Гвоздик стоял в клетке со львами вместе с Перлиной. В красном костюме укротительницы, Перлина была прелестна и, конечно, рядом с Гвоздиком ничего не боялась. Львы, отчасти из страха перед Гвоздиком, отчасти очарованные девочкой, в этот вечер старались проделывать свои упражнения ещё лучше, чем обычно.

Подозрительные личности не отрывали глаз от Гвоздика.

— Проклятие! — пробормотал Джо Косой Глаз. — Да он же весь из железа! И силища у парнишки, должно быть, изрядная! Не уничтожить его надо, а постараться извлечь из него пользу.

— Да это вышло здорово. Просто нам на руку, что Мустаккио позвал нас, — прибавил Пистолда. — Только бы заполучить Гвоздика, и мы станем самой сильной шайкой в мире.

Когда представление окончилось, оба они незаметно приблизились к Гвоздику, который вместе с Перлиной остановился покормить слонов.

— Приятель, — сказал Джо Косой Глаз Гвоздику, протягивая ему сигару, — мы пришли предложить тебе сделку. . .

Гвоздик, чтобы не обижать Джо, взял сигару, но незаметно сунул её обезьяне, которая из любопытства сразу же закурила.

— Мы образовали небольшое общество. . . Это, как бы сказать. . . благотворительное общество, — продолжал Джо Косой Глаз, пытаясь скрыть револьвер и автомат, которые болтались у него под курткой. — Не хочешь ли и ты стать членом нашего общества? Дело, видишь ли, в том, чтобы различными путями добывать деньги, а потом раздавать их тем, кому они нужны.

По физиономиям обоих молодчиков нельзя было сказать, что они добрые люди, и Гвоздику их слова показались подозрительными.

— А кто же эти люди, которые так нуждаются, — спросил механический мальчик, — и как вы будете доставать деньги?

Пистола ухмыльнулся.

— Знаешь, какая теперь дорогая жизнь. Ты спрашиваешь, кто нуждается, — да хотя бы мы сами. . . А достать деньги проще простого — пойти и взять их там, где они лежат, взломать какой-нибудь несгораемый шкафчик и. . .

Тут только Гвоздик всё понял; он с такой силой сжал кулаки, что они закрипели, размахнулся, но. . .

— Не трогай их, — закричала Перлина, — не надо! Лучше с ними не связываться.

Гвоздик сейчас же опустил руки, но подмигнул слону, который прекрасно понял его и с удовольствием ударил хоботом обоих бандитов так, что они мигом вылетели из цирка.

— Я их не тронул, — сказал Гвоздик невинным голосом, — видишь, я послушался тебя. . .

Перлина, конечно, расхохоталась. Мустаккио тоже присутствовал при этой сцене, но ему было совсем не до смеха: пры-

чась в кустах, он нечаянно сел на окурок сигары, который обезьянка только что с отвращением отшвырнула от себя.

— Ну, Гвоздик, это не пройдёт тебе даром, — заревел Мустаккио, в то время как от штанов его так и валил дым, — шайка Тек-Тек избавит меня в конце концов от твоего присутствия.

Возмущённый Мустаккио тотчас же побежал в логово грабителей.

— Какие же вы бандиты, — закричал он, — если не можете справиться с простой железной куклой! Можно подумать, что вы не честные и опытные разбойники, а какая-то коллегия учёных! Надо было не уговаривать его, а просто похитить. Сегодня не будет вечернего представления и Гвоздик пойдёт гулять. . . Смотрите, не упустите эту возможность.

Уязвленные в своём разбойничьем самолюбии, бандиты обещали любой ценой похитить Гвоздика, и Мустаккио ушёл успокоенный.

— Не будем терять времени, Пистола, — сказал Джо Косой Глаз, — сию же минуту идём к доктору Каппе.

ГЛАВА XVIII

ПРОГУЛКА КОНЧАЕТСЯ ПЛОХО

Доктор Каппа убежал из тюрьмы и жил в лаборатории, которую устроил себе в старом, заброшенном канализационном люке. К нему бандиты обращались то за советом, то за инструментами для какого-нибудь крупного «дела». Каппа прославился тем, что искусно делал отмычки, ключи и прочий воровской инструмент. Одним словом, если Пилукка был одержим страстью изобретать всякие полезные вещи, то доктор Каппа — лишь вредные.

— Не мешайте мне! — заорал он, когда к нему вошли Джо Косой Глаз и Пистола. — Разве вы не видите, что я изго-

товляю особый динамит для бесшумного взрывания несгораемых шкафов?

— Брось эти игрушки! Мы пришли к тебе с выгодным дельцем, на котором можно заработать много денег.

Слово «деньги» всегда производило на доктора магическое действие. Он тотчас же стал чрезвычайно любезным и внимательно выслушал всё, что бандиты рассказали ему о Гвоздике.

— Значит, вы хотите получить железного мальчика? —

спросил, наконец, Каппа. — Это очень интересно! Я сейчас же возьмусь за работу. Достаньте мне небольшой грузовик и всё то, что я напишу вам на этом клочке бумаги. Через три часа вам будет так же легко похитить Гвоздика, как грудного ребёнка у слепой няньки.

Джо Косой Глаз и Пистолы с восторгом бросились добывать всё необходимое.

Это было в полдень, а вечером того же дня Гвоздик и Перлина весело прогуливались по городу. Гвоздик держал Перлину за руку, стараясь не причинить ей боли своими железными пальцами.

— Я чувствую себя таким счастливым, мне так легко, — сказал Гвоздик и, не зная, что словам его вскоре суждено было сбыться, добавил: — мне кажется, будто я не иду, а лечу по воздуху.

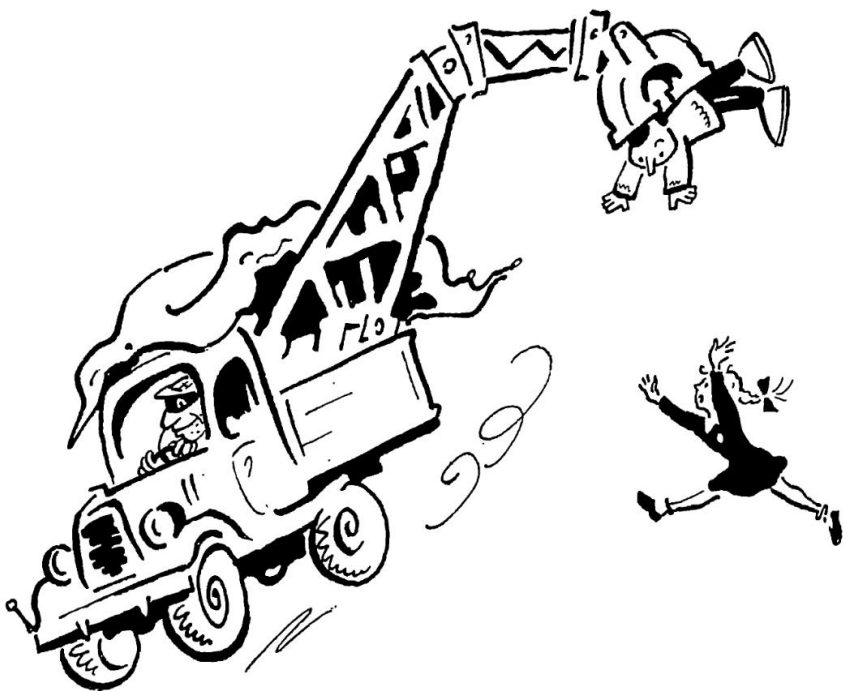
Гвоздик весело болтал с Перлиной и не заметил, что за ними по пятам следовал какой-то странный грузовик. Машина была покрыта брезентом, под которым скрывались доктор Каппа и Джо Косой Глаз.

Когда Гвоздик и Перлина свернули в пустынный переулок, Пистолы, сидевший за рулём, произнёс: «Пора!» — дал условный сигнал, нажал на клапан и перешёл на третью скорость.

— Смотри, какая смешная машина! — успела только сказать Перлина, как вдруг из-под брезента появилась длинная механическая «рука» подъёмного крана и, управляемая доктором Каппой, потянулась прямо к Гвоздику. На конце её был прикреплѐн какой-то предмет; от него посыпались мириады искр, и Гвоздик, притянутый этой необыкновенной молнией, взлетел на воздух, словно щепка, подхваченная водоворотом.

— Прыгай, Гвоздик, спасайся! — крикнула Перлина, но её друг, сколько ни барахтался, никак не мог оторваться от «руки» крана: на конце её был укреплѐн электромагнит огромной мощности, и Гвоздик, железный мальчик, так и прилип к нему, словно муха к липкой бумаге.

Отчаянно зовя на помощь, Перлина побежала за грузовиком, который всё набирал скорость, но в конце концов

девочка споткнулась, упала, а когда поднялась, — машина уже исчезла.

Словно рыбка, попавшаяся на удочку, Гвоздик действительно «улетел» по воздуху.

ГЛАВА XIX

ВО ВЛАСТИ КОВАРНОГО ДОКТОРА КАППЫ

воздика доставили в лабораторию доктора Каппы, где собралась вся шайка Тек-Тек.

Железного мальчика заковали в цепи, и Джо Косой Глаз с Пистолой снова принялись уговаривать его присоединиться к банде.

Сначала они предложили Гвоздику кучу денег — ими можно было набить три чемодана, — потом такое количество одежды, что можно было бы одеть весь город; наконец столько конфет, что их хватило бы на целый детский дом. Но каждый раз Гвоздик только потрясал своими цепями и кричал: «Нет!»

— Хм! Этот мальчик какой-то странный, — сказал доктор Каппа. — Он, очевидно, болен тяжёлой формой честности. Может быть, причина его болезни кроется у него внутри? .. Но если это так, то наше дело выиграно.

Тут Каппа взял рентгеновский аппарат, при помощи которого докторá видят больных насквозь, направил его на грудь Гвоздика и начал просматривать внутренности железного мальчика.

У всех присутствующих вырвался крик изумления: рёбра Гвоздика были сделаны из вилок, желудок — из камеры футбольного мяча, лёгкие — из двух небольших кастрюлек, а сколько там оказалось проволочек, колёсиков, винтиков. .. и всё это было так искусно пригнано, что у доктора Каппы невольно вырвалось признание: «Да, это произведение великого мастера!»

Такое искреннее восхищение искусством папы Пилукки,

даже в устах коварного Каппы, заставило Гвоздика улыбнуться от гордости. Но улыбка исчезла с его лица, когда Каппа, подпрыгнув на месте и показывая на что-то пальцем, заревел: «Нашёл! Его болезнь честности происходит от золотого сердца». Да, спрятанные глубоко в груди Гвоздика, золотые часы папы Пилукки служили сердцем железному мальчику; равномерно тикая, они чётко регулировали работу всех остальных органов.

— Пока у него золотое сердце, мы не сможем сделать из него бандита! — заявил Каппа. — Надо остановить или разбить это сердце; только тогда станет он настоящим преступником.

Услышав слово «разбить», Пистола обрадовался: ломать и разбивать было по его части. Он вытащил из-под куртки автомат и сказал:

— Ну, это уж моё дело, эй, посторонись!

Потом он широко расставил ноги, стал как раз напротив Гвоздика, поднял автомат и пустил ему в грудь целую очередь, но тут случилось нечто удивительное: броня Гвоздика была такой прочной, что пули отскакивали рикошетом в бандитов; разбойники бросились врассыпную.

— Идиот! — заревел Каппа. — Убирайся со своим автоматом. . . Здесь я обойдусь без тебя.

Его злобный ум уже изобрёл способ, как заставить Гвоздика покориться и стать соучастником воровских дел шайки Тек-Тек.

Доктор Каппа сейчас же усердно принялся за работу и в самый короткий срок сконструировал прибор, который он назвал: «Спи и действуй!» Поскольку это был вредоносный прибор, мы не будем вам объяснять его устройство, а повторим только то, что сказал доктор Каппа Джо Косому Глазу и Пистоле:

— При помощи этого прибора мы не только усыпим Гвоздика, не тронув его золотое сердце, но по проводу будем на расстоянии передавать ему приказанья и заставим его выполнять нашу волю.

Понимаете теперь, почему я назвал этот прибор «Спи и действуй»?

Бедный Гвоздик тоже всё понял, но так как он был закован, то мог только громко кричать и возмущаться.

Не обращая внимания на крики Гвоздика, доктор Каппа надел ему металлический шлем на голову, вставил в рот воронку и при помощи электрического тока влил в воронку снотворное, приготовленное из макового сока с железными опилками.

Тело Гвоздика заскрипело, взгляд затуманился и сердце-часы стало биться всё медленнее и медленнее: Гвоздик заснул.

Вдруг ему показалось, что он видит перед собой папу Пилукку: старый учёный бросился к нему, разбил цепи, помог встать на ноги. . . Но это был только сон, Гвоздик крепко спал и так и не услышал, как доктор Каппа закричал: «Ну, видите, какой я гений! Прибор действует! Гвоздик в нашей власти!»

Мальчик спал поистине железным сном. Но на лице его не было выражения безмятежного покоя, как у всех спящих детей; на его металлических губах появилась злобная усмешка, которой раньше никто никогда у него не видел.

ГЛАВА XX

ПИЛУККА ВЫСТУПАЕТ ПРОТИВ КАППЫ
И „ТЕЛЕ-ГВОЗДИК“ — ПРОТИВ „СПИ И
ДЕЙСТВУЙ!“

Как только в цирке узнали от Перлины, что Гвоздика похитили, все бросили работу и побежали его разыскивать. Лилипуты спускались в канавы и ямы; Нуволино и Нуволетта, перелетая с трамвайных проводов на подоконники и балконы, заглядывали внутрь домов, а остальные искали Гвоздика на улицах и площадях. Ридарелло, Ромпиколло и Перлина расспрашивали о Гвоздике всех встречаемых, но никто не принимал их вопросов всерьёз, — ведь друзья были одеты в цирковые костюмы; все прохожие думали, что это новая реклама цирка.

Тогда Перлина в отчаянии телеграфировала папе Пилукке: «Приезжайте! Гвоздика похитили!»

Получилось так, что Пилукка, который являлся Гвоздику только во сне, к Перлине приехал на самом деле. Он прибыл в красном блестящем автомобиле, одетый — подумайте только! — в настоящий фрак. Дело в том, что Гвоздик, отдавая папе все свои сбережения, просил его жить получше, как подобает богатому синьору. Но Пилукка так и не привык к богатству, он даже не научился управлять автомобилем; или, вернее, вести машину он мог, но не умел её останавливать: подкатив к цирку со скоростью ста километров в час, он, очевидно, решил вместо тормоза воспользоваться огромным деревом; понятно, что при таком торможении машина разлетелась на куски, а от фрака остались одни клочья.

— Тем лучше, — произнёс учёный. — Ну какой я синьор! — И, вынув из чемодана свою старую одежду, он надел её. Тут только Перлина узнала папу Пилукку, бросилась его обнимать и сообщила ему печальные новости.

— Спасите Гвоздика, — в заключение сказала она со слезами, — вы один можете это сделать!

Все друзья Гвоздика — три лилипута, Ридарелло и другие — были очень опечалены. Один только Мустакио радовался: после похищения Гвоздика он снова занял в цирке место укротителя и надел свой блестящий костюм.

— Теперь уж никто не отнимет у меня этого костюма, — бормотал он, с гордостью поглаживая золотые нашивки. — Попробуйте, найдите теперь Гвоздика! Ха-ха-ха! Вот и на моей улице праздник!

Но Пилукке было не до смеха. Засучив рукава, он взялся за дело: из деталей разбитого автомобиля он стал собирать какую-то странную машину. Перлине, которая смотрела на него, ничего не понимая, он объяснил: «Это специальный телевизионный аппарат, и мы временно назовём его «Теле-Гвоздик». Нет ли у тебя зеркальца?» Перлина достала из сумочки зеркальце и отдала учёному.

— Теперь смотри, — продолжал Пилукка, — сто́ит только присоединить это зеркальце к аппарату, и, где бы ни находился Гвоздик, мы увидим его, как на экране телевизора!

И действительно, как только Пилукка приложил зеркальце к Теле-Гвоздику, в стекле появилось отражение железного мальчика. Но как он изменился! Это был совсем не тот Гвоздик с золотым сердцем, которого все очень любили.

Голову его покрывал металлический шлем, а от шлема тянулся провод. Гвоздик шёл как лунатик, вытянув вперёд руки, и на лице у него было такое злое выражение, что присутствующим стало страшно.

Пилукка, Перлина и все остальные ничего не могли понять.

— Что это с ним? — удивлялись они. — Что он делает? Где он?

Но вдруг все поняли, где находится Гвоздик: в зеркальце было видно, как механический мальчик направился к городскому банку, разбил железную решётку, вошёл внутрь, устремился к несгораемому шкафу и одним ударом кулака взломал дверь.

— Он вор! Я всегда говорил это! — закричал Мустаккио. — Видите? Он грабит банк! Зовите полицию, чтобы арестовать его, а потом быстро возвращайтесь к работе. . . Скоро начнётся представление. Я не дожусь часа, когда снова явлюсь перед публикой в роли укротителя.

Но никто не слушал его, даже Оп-ля, которая, одна зная правду, начинала чувствовать угрызения совести.

Вдруг все вздрогнули.

— Смотрите на провод, — закричал Пилукка, который лучше других понимал, в чём дело. — Гвоздик невинен! Кто-то усыпил его и управляет им на расстоянии! Нужно спасти мальчика!

Лилипуты сейчас же бросились к директору:

— Позвольте нам бежать к Гвоздику, — умоляли они. — Мы не можем оставить его в беде.

Директор (в глубине души он очень любил Гвоздика) ментально отдал распоряжение: «Долой представление! Бегите все в банк спасать парнишку!»

О ТОМ, КАК В БАНКЕ ПРОИЗОШЛА
ДРАКА ПОЧИЩЕ, ЧЕМ В ЛЮБОМ ПРИ-
КЛЮЧЕНЧЕСКОМ КИНОФИЛЬМЕ

ктеры во весь опор помчались к банку; они ехали — кто на лошади, кто на верблюде, кто на слоне. Тем временем Гвоздик, повинаясь воле доктора Каппы, взламывал в банке двери, несгораемые шкафы и сейфы, а Джо Косой Глаз и остальные бандиты шайки Тек-Тек набивали карманы деньгами.

— Вот это называется работёнка! — приговаривал Джо. — Загребай золото лопатой — и никаких забот. — Но не успел он закончить фразу, как в банк верхом на верблюде ворвался Ридарелло.

— Стой, Гвоздик, — закричал он, — не помогай этим разбойникам!

Однако Гвоздик, подчиняясь воле доктора Каппы, злобно ухмыльнулся и дал клоуну такого пинка, что бедняжка совершил тройное сальто мортале.

— Друг мой, что же ты делаешь? — пролепетал растянувшийся на полу Ридарелло.

— Гвоздик не виноват! Настоящий виновник тот, кто управляет им по этому проводу, — ответил ему Пилукка; он ворвался в банк вместе с Ромпиколло, Перлиной, лилипутами, Нуволино и Нуволеттой. Артисты ринулись на бандитов, а Пилукка ножницами перерезал провод, который соединял Гвоздика с аппаратом доктора Каппы.

Гвоздика всего передёрнуло, он заморгал и пробормотал: «Где я?» — совсем как спящая красавица, когда она проснулась после своего столетнего сна.

Нескольких слов папы Пилукки было достаточно, чтобы Гвоздик всё понял. Он сразу же бросился к Ридарелло, обнял его, помог ему подняться и, почти плача, попросил у него прощения.

А что же в это время делалось кругом? Рукопашные схватки в приключенческих кинофильмах можно было бы назвать лёгкими, дружескими стычками по сравнению с той битвой, которая завязалась в банке между разбойниками шайки Тек-Тек и артистами цирка.

В этом сражении всех превзошла Перлина; она носилась среди дерущихся и зонтиком била бандитов по головам, словно ударяя по клавишам рояля. При этом головы грабителей гулко звенели от каждого удара.

Нуволино и Нуволетта перелетали с люстры на шкафы и на лету вырывали у бандитов пачки украденных денег. Лилипуты, настроенные чрезвычайно воинственно, неожиданно выскочили из-под стола и угрожающе крикнули первому попавшемуся бандиту: «Негодяй! Сдавайся!»

— Ах вы, коротышки! — заорал тот. — Вот я вам покажу! — и нагнулся, чтобы схватить их всех сразу, но тут Ромпиколло, спрятавшийся за занавеской, вытянул руку и — раз! Бандит упал без сознания. Ах, да, мы и забыли сказать вам, что в руке Ромпиколло держал здоровую дубину.

Тут в дело вмешался Гвоздик. До этого он целовал и обнимал Ридарелло.

— Ну, теперь держитесь, — закричал он, поворачиваясь к бандитам, — вы мне дорого заплатите за вашу шутку! Теперь я опять настоящий Гвоздик с золотым сердцем, а не кукла, которую вы усыпили!

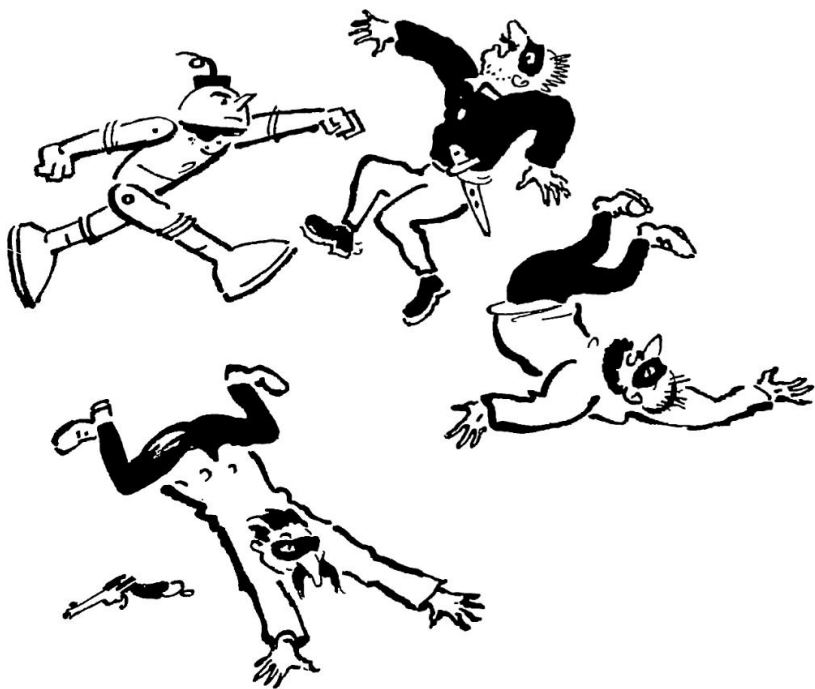
Старый Пилукка запыхался от быстрого бега и уселся в кресло, словно директор банка. Увидев, что его сын бросился в рукопашную, он произнёс:

— Мальчик мой, не перестарайся, не причини им слишком большого вреда.

Гвоздик послушался; через несколько минут все бандиты были загнаны в угол, сильно избитые, но живые.

Победу над злодеями и освобождение Гвоздика артисты цирка ознаменовали весёлой пляской, в которой принял участие даже папа Пилукка; но скоро он, усталый, весь в поту, присел. . . Угадайте — куда? На кнопку сигнала тревоги.

Услышав резкий звонок, все пришли в смятение.

— А вдруг полиция примет нас за грабителей? — сказала Перлина, как всегда чрезвычайно рассудительная.

— Не бойтесь! — ответил Пилукка. — У меня есть идея! Слушайте моих приказаний.

И действительно, когда, две минуты спустя, знаменитый инспектор Дальновидный явился в банк с целой толпой полицейских, глазам его предстало удивительное зрелище: бандиты шайки Тек-Тек лежали рядом на полу, с кляпами во рту, обвязанные верёвками, словно колбасы, и к каждому была приколота карточка с его именем, а на столе, в полном порядке, красовались деньги, которые они пытались украсть из банка. Однако, полагая, что полиция во всём этом ничего не поймёт (и тут он оказался совершенно прав), Пилукка оставил записку, будто бы написанную самими бандитами: «Извините за беспокойство, — значилось в ней, — но мы раскаялись и сдаёмся, арестуйте нас!

С почтением

шайка Тек-Тек».

ГЛАВА XXII

ИНСПЕКТОР ДАЛЬНОВИДНЫЙ НЕ
ВИДИТ ДАЛЬШЕ СВОЕГО НОСА

ырвавшись от бандитов, Гвоздик вернулся в цирк и по-прежнему занял место укротителя. Мустакио так и не удалось явиться перед публикой в роли укротителя.

Однако Мустакио не хотел сдаваться. Как и все злые люди, он был упрям. Глядя на Гвоздика, который под несмолкаемые аплодисменты зрителей выступал на арене, бывший укротитель, снова одетый в скромный костюм униформиста, потрясал кулаками:

— Или он, или я! Я уничтожу его раз и навсегда! А если не добьюсь своего, пусть мне отрежут усы! — Ужасная угроза.

Ведь Мустакио дорожил своими усами больше, чем самой жизнью. Оп-ля, которая стояла рядом с ним и слышала эти слова, задрожала от страха. Она была не то чтобы злой, а скорее капризной, и теперь раскаивалась в том, что причинила Гвоздику столько горя.

Мустакио схватил её за руку:

— Берегись, тебе не поздоровится, если ты проболтаешься или вздумаешь мешать моим планам: сегодня же вечером, чего бы это мне ни стоило, я снова стану укротителем!

И действительно, в тот же вечер в цирке случилось необычайное происшествие.

Не успело представление окончиться, как кассир прибежал к директору:

— Кассу украли!! Мы разорены! — в страхе лепетал он.

Директор чуть было не упал в обморок, а все окружающие, которые только что громко радовались возвращению Гвоздика, умолкли. И в наступившем молчании раздался только один предательский голос:

— Уж не Гвоздик ли тут замешан? Не осталось ли у него от прибора «Спи и действуй!» предрасположения к воровству?

И Мустакио, не предупредив никого, вызвал полицию. Не прошло и минуты, как в цирк уже нагрянул инспектор Дальновидный вместе с полицейским.

— Где вор? — спросил инспектор, тяжело дыша.

— Надо ещё найти его, — объяснил Мустакио.

Инспектор Дальновидный, в высшей степени недовольный, почесал лысину.

— Вечно одна и та же история! — пробормотал он. — Этих воров всегда приходится разыскивать! А мы так надеялись, что теперь грабители всегда будут ожидать нас связанные и готовые для ареста. . . Что за каторжный труд — быть полицейским!

— А почему же, — подсказал Мустакио, видя, что Дальновидный задумался, — почему же вы не начинаете обыска во всех фургонах цирка?

— Правильно, — ответил Дальновидный, — это не при-

шло мне в голову. — Потом, снова почесав лысину, он растерянно произнёс: — А собственно говоря, для чего должен я это делать?

— Как для чего? Да ведь если в одном из них вы найдёте украденную кассу, — значит, владелец этого фургона и есть вор!

— Да, это правда, — согласился Дальновидный, — тот, у кого мы найдём кассу, не может не быть вором! Иначе зачем же он взял кассу...

Обыск продолжался два часа, но мы вам сообщим его результаты сразу и просим вас не сомневаться, что говорим правду: кассу нашли в фургоне Гвоздика!

Вы, читатель, конечно, не верите, что Гвоздик был вором, не поверил этому и никто из присутствующих, хотя...

— Доказательство есть доказательство! Где касса, там и преступник! — изрёк Дальновидный. — Молодой человек, вы арестованы!

— Но я не виновен! — закричал Гвоздик, ища глазами Пилукку и Перлину; ему хотелось убедиться, что они ему верят. Они-то ему верили! Не верил ему только Дальновидный.

— Доказательство есть доказательство! — повторял он. — И раз ты вор, а я полицейский, я должен арестовать тебя! Правильно? — И он, торжествуя, огляделся кругом, ища одобрения присутствующих, но все, хорошо зная честность механического мальчика, начали заступаться за Гвоздика. Один только Мустакио был совершенно спокоен.

— Инспектор, арестуйте его! — сказал он. — Это ваш долг.

— Правильно! — подтвердил Дальновидный. — Если бы я не арестовывал воров, хороший бы я был полицейский! —

и он уже выступил вперёд, чтобы надеть Гвоздику наручники. Но в это мгновение Нано, Нанё и Нани закрычали:

— Гвоздик, раз ты невиновен, беги! Мы вместе с Пилукой сделаем всё, чтобы найти настоящего вора!

Тогда Гвоздик вырвал наручники у Дальновидного, надел один из них на руку инспектору, а другой — на ногу полицейскому, поцеловал Пилуку и убежал. Но вскоре он услышал за собой прерывающийся голосок:

— Подожди меня... Я не могу больше... — Это была Перлина. — Я никогда не покину тебя, Гвоздик, я хорошо знаю, что ты невиновен!

Гвоздик обрадовался, схватил Перлину за руку и по-мчался.

Дальновидный и полицейский тоже бросились за ним вслед, но так как рука одного была привязана к ноге другого, то они на каждом шагу спотыкались и падали носом на мостовую. Мустаккио побежал за ними, освободил их от наручников и помог им встать на ноги.

— Ну что вы за инспектор! — кричал он. — Арестуйте Гвоздика и отправьте его на каторгу!

Тем временем все уже поняли, что инспектор Дальновидный, по своей дальновидности, далеко, как говорится, не орёл, а самое большее щеглёнок, но зато в его распоряжении было всё необходимое для преследования. Он вскочил в машину, велел полицейскому сесть за руль и в огромный телескоп стал просматривать улицу.

— Вот он! Это он! — закричал, наконец, инспектор. Действительно, на расстоянии нескольких километров он увидел Гвоздика, который бежал, увлекая за собой Перлину. Дальновидный достал справочник полицейского и прочитал:

«Если преступник обнаружен и преследование его сопряжено с опасностью, вызывайте помощь по радио». Инспектор помнил шутку, которую сыграл с ним Гвоздик, и стал звать на помощь по радио (у него в машине был установлен мощный радиопередатчик).

— Внимание!.. Внимание! Тревога! Арестуйте опасного преступника, Гвоздика!

И сейчас же из каждой казармы, из каждой улицы и переулка выехали полицейские автомобили и понеслись полным ходом под оглушительный вой сирен.

Гвоздик, который в это время пробегал по центральной площади города, заметил, что Перлина побледнела от страха.

— Не бойся, — успокаивал он её, — они не схватят нас, я кое-что придумал!

Гвоздик для того, чтобы его заметили сразу все преследователи, обежал площадь, потом взобрался на водопроводный акведуку и проскользнул внутрь.

На площадь выходило много улиц; по ним мчались полицейские. Полицейские, увидев Гвоздика, дали газ и все одновременно вылетели на площадь; там машины столкнулись с чудовищной силой, перевернулись и попадали друг на друга, образовав целую гору... бывших машин. Последним прибыл Дальновидный, и в конце концов его пришлось отыскивать в куче бесформенного металла. В это время в акведуке Гвоздик с Перлиной на плечах шагал прямо по воде, прочь из города.

ГЛАВА XXIII

ГВОЗДИК, СКРЫВАЯСЬ ОТ ДАЛЬНО-
ВИДНОГО, ЗАБОЛЕВАЕТ. ПЕРЛИНА
СТАРАЕТСЯ ВЫЛЕЧИТЬ СВОЕГО ДРУГА
И ТОЖЕ СИЛЬНО ЗАБОЛЕВАЕТ

Как мы уже сказали, неся Перлину на плечах, Гвоздик шагал по груди в воде. Он прошёл несколько километров по акведуку и когда, наконец, выбрался из него через железный люк, то был уже далеко за пределами города, среди полей. Поблизости лежала деревня, где вместо домов стояли какие-то странные лачужки.

— Пойдём туда, — сказала Перлина, беспокоясь за своего друга. — Там я найду тряпки, чтобы протереть тебя, и масло, чтобы смазать тебя... иначе ты заржавеешь!

Лачужки, построенные из картона, жестянок и тростника, держались каким-то чудом; чтобы ветер не повалил стен, жители привязали их верёвками к деревянным колышкам.

Это была деревня бедняков: тут жили нищие, бродяги, странствующие музыканты и одинокие старики, не способные больше работать. Несмотря на крайнюю бедность, жители деревни оказались гостеприимными: набрали общими усилиями бутылочку масла, и Перлина смазала Гвоздика.

— Не могли бы вы приютить нас на несколько дней? — спросила девочка.

Но все домики были такие маленькие, что в них нельзя было лечь даже на полу.

Вдруг Гвоздик так расхохотался, что весь закрипел: он увидел негритёнка, неизвестно как попавшего в эту деревню.

— Ой, какой смешной! — бормотал Гвоздик между приступами смеха. — Не иначе как сын чернильницы!

Но и негритёнок тоже разрывался от смеха:

— Меня таким сделала мать-природа, а вот ты — настоящий сын железной болванки! — Оба они были не похожи на других, поэтому сразу же подружились.

— Друг, — сказал негритёнок, которого звали Бамбо, — у меня найдётся для вас место, если вы согласитесь спать в моём домике.

Домиком Бамбо служил старый сундук, но очень хорошо устроенный, с настоящей крышей и окнами.

— Летом, — с гордостью заявил Бамбо, — потолок раскрывается: видите, достаточно только поднять крышку! . .

Все бедняки сразу же полюбили Гвоздика: обладая огромной силой, он оказывал им тысячу услуг — растирал зёрна пальцами, разглаживал ногами измятую одежду и точил ножи о свою грудь. . .

Однажды в руки Бамбо попала газета с большой фотографией Гвоздика, и так как сам Бамбо читать не умел, он побежал к своему другу:

— Что тут написано? Ты знаменитый киноактёр?

Под фотографией было напечатано: «Бежал опасный преступник Гвоздик. Он похитил кассу цирка и скрылся. Инспек-

тор Дальновидный преследует его». Никто в деревне, конечно, не поверил этой истории, но Гвоздик загрустил: до тех пор, пока его будут считать грабителем, он не сможет обнять ни папу Пилукку, ни своих друзей в цирке.

Однажды, в то время как он качал воду из колонки, а бедняки стояли в очереди с ведрами, он так разрыдался, что не в силах был сделать ни одного движения. Люди приняли поток его слёз за струю воды и продолжали наполнять ведра. Правда, потом всем пришлось вылить эту жидкость, так как она не только была горькой, как жёлчь, но сильно отдавала ржавчиной.

— Простите, я задумался о своей печальной судьбе, — пробормотал Гвоздик и снова принялся за работу. Он всё время плакал от обиды, что его считают грабителем, и поэтому совершенно высох и стал покрываться ржавчиной. Один раз, кашляя, он даже выплюнул какой-то винтик.

Видя его в таком состоянии, Перлина решила достать где-нибудь хоть немного масла, так как у бедняков не было уже больше ни капли. Только это лекарство могло спасти Гвоздика.

Ничего никому не говоря, в одно дождливое утро Перлина вышла из домика — сундука Бамбо. Целый день она проработала на оливковой плантации, а вечером вернулась, промокшая до костей, но с мешочком оливок — это был её заработок. «Теперь я раздавлю оливки, и получится масло. . .»

Но в эту минуту в домике-сундуке раздалось такое чиханье, что подскочила даже крыша.

— Перлина, ты чихаешь так, что поднимается ветер, — сказал встревоженный Бамбо, — это дурной признак.

Действительно, Перлина, которая провела весь день под дождём, сильно простудилась.

— Ты горячая, как огонь! — продолжал Бамбо, положив ей руку на лоб. Гвоздик тем временем бил себя кулаком по голове, рискуя пробить её насквозь:

— Это я виноват! Ты простудилась из-за меня, доставая мне масло. . .

— Да нет, я здорова, — пробормотала Перлина. Но тут послышалось ещё одно «а-пчи», от которого домик-сундук затрясся так, как будто на дворе разразилась буря.

Докторов, конечно, в деревне не было, но странствующие музыканты и уличные рассказчики решили развеселить Перлину и этим облегчить её состояние, — они устроили для неё концерт. Перлина была им очень благодарна. Она лежала в постели, укрытая до самой шеи куском одеяла, держала Гвоздика за руку и пыталась улыбаться:

— Ничего, у меня только небольшая простуда, она скоро пройдёт. Чувствуешь, — руки уже не такие горячие? У меня нет больше температуры.

Она лгала, зная, что Гвоздик не может почувствовать жара. Но Бамбо покачал головой:

— Перлина не хочет тебя огорчать, но это неправда, у Перлины температура высокая. . . как небоскрёб!

Одна старушка вспомнила, что когда-то от такой же болезни её вылечило замечательное лекарство, но лекарство это стоило дорого, а в деревне ни у кого не было ни гроша.

Тогда Гвоздик решительно сказал:

— Я пойду в город и куплю лекарство. Деньги я как-нибудь достану.

— Да ты с ума сошёл! — перебил его Бамбо. — В городе тебя сейчас же арестуют, и ты попадёшь в тюрьму, тёмную, с мышами. . . Лучше в город пойду я.

— Нет, ты и так уже слишком много сделал для нас! — настаивал Гвоздик. — Перлина заболела из-за меня, и я во что бы то ни стало должен вылечить её.

Перлина, разумеется, не хотела, чтобы Гвоздик попал в тюрьму, но она страшно чихала и почти не могла говорить: вместо того, чтобы сказать «нет», она чихала, и выходило «а-пчи-нет».

Но тут Гвоздика осенила блестящая мысль.

— Я пойду в город переодетым, — заявил он, — и тогда меня никто не узнает.

ГЛАВА XXIV

НИЩИЙ С РЫЖИМИ УСАМИ

ители деревни помогли Гвоздику чудесно замаскироваться. Из лоскутков Бамбо сшил ему костюм, длинный, до пят. Старушка, бывшая парикмахерша, сделала железному мальчику рыжий парик из кукурузной соломы. Гвоздик приклеил себе пышные усы, которые закрыли ему почти всё лицо.

— Ап-чхи! Счастливого пути! — чихнула ему вслед Перлина. — Всего, всего!..

Переодетый, путаясь в длинной одежде, Гвоздик явился в город, чтобы любой ценой достать нужное лекарство. Но с первых же шагов остановился как вкопанный: на белой стене он увидел свой собственный портрет в натуральную величину, а под ним слова:

«Гвоздик, опасный бандит. Кто найдёт его, получит премию в один миллион».

«Вот дураки! — подумал Гвоздик. — Никогда и никому не отсчитаете вы этого миллиона». И действительно, никто не мог бы узнать его, переодетого, — даже сам инспектор Дальновидный, который стоял совсем близко и внимательно осматривал всех прохожих.

«Какой бестолковый нищий, — подумал инспектор, — встал так, что заслонил мне портрет Гвоздика. Пойду и скажу ему, чтобы он убрался».

Однако этого не понадобилось, потому что Гвоздик двинулся дальше, еле передвигая ноги, словно древний старик. Но едва прошёл он несколько метров, как случилось ужасное несчастье: сильный порыв ветра охватил мальчика со всех сторон и сорвал с него костюм. Гвоздик оказался тогда в том самом виде, в каком создал его папа Пилукка, и как раз на фоне собственного портрета. И только потому Дальновидный, со своими птичьими мозгами, узнал его. С торжествующим криком бросился он к Гвоздику:

— Я так и знал, что найду тебя! Стой! Стой!

Но Гвоздик, конечно, не стал его слушать.

— Поймай меня, если сможешь! — крикнул он, даже не оборачиваясь, и с головокружительной быстротой понёсся прочь.

Тогда началось утомительное преследование: Гвоздик мчался, перескакивая огромными прыжками через всё, что попадалось ему на пути: через автомобили, велосипеды, даже через электропоезд. Следом за Гвоздиком, тяжело дыша и спотыкаясь, бежал Дальновидный; он, впрочем, вскоре вскочил на полицейский грузовик и продолжал преследование на машине.

Не переводя дыхания Гвоздик пробежал мимо цирка, где увидел всех своих друзей, в старых, поношенных костюмах, и в углу папу Пилукку, печального и задумчивого. Дело в том, что цирк без Гвоздика разорился, так как клоуны стали грустными и разучились смешить публику, а животные от горя отказывались работать.

Гвоздик, спасаясь от преследователей, не мог остано-

виться; он послал воздушный поцелуй папе Пилукке, который всё равно ничего не заметил, и побежал дальше.

Убегая от инспектора Дальновидного и полицейских, Гвоздик мчался, как экспресс, и вдруг увидел перед собой аптеку. Он ворвался в неё, схватил с полки лекарство для Перлины и, прежде чем аптекарь успел прийти в себя от страха, пробил стену и понёсся дальше, но не забыл при этом крикнуть:

— Заплачу, когда будут деньги, извините! . .

Полицейские уже значительно отстали от него и не теряли его следа только потому, что Дальновидный держал в руках огромный магнит.

Гвоздик оставил позади город и мчался по дороге к деревне, с величайшей осторожностью держа в своих металлических пальцах драгоценное лекарство. Он выбежал на линию железной дороги и увидел, что, не доезжая до станции, остановился огромный поезд.

— Гвоздик! — шёпотом позвали его. — Садись в поезд и уезжай, он увезёт тебя далеко, и ты спасёшься. — Это был Бамбо, притаившийся за изгородью. Он прибежал на помощь своему другу и остановил поезд, взмахнув красным флагом. Но Гвоздик не подумал воспользоваться удобным случаем.

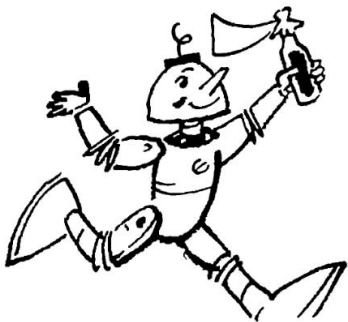
— Нет, Бамбо, я должен отнести лекарство Перлине, — сказал он, — а там пусть меня арестуют. — И оба друга помчались дальше по дороге к деревне.

Вокруг домика-сундука, где лежала больная Перлина, стояли все жители деревушки и громкими криками приветствовали возвращение Гвоздика.

— Воронку! — потребовал железный мальчик; он всунул

в рот Перлине воронку и вылил туда всё содержимое.

— От этого лекарства тебе сразу же станет легче, — сказал Гвоздик, целуя девочку, но в ту же минуту послышался автомобильный гудок и показался грузовик с инспектором Дальновидным.

ы все арестованы! — закричал инспектор Дальновидный с высоты своего грузовика.

Бедняки столпились вокруг Гвоздика, чтобы спрятать его за своими спинами, и с усмешкой глядели на инспектора.

— Вы что же, постройте для нас отдельную тюрьму? Наконец-то у нас будет дом с настоящими стенами! — сказал один старичок, торговец горячими каштанами.

— Я вас всех арестую, — продолжал Дальновидный, — если вы мне сейчас же не выдадите Гвоздика. Он украл кассу цирка, и его будут судить по закону.

Тут раздался голос Перлины (от лекарства ей сразу стало лучше).

— Гвоздик не вор! Он самый лучший мальчик в мире!

— Да, да, — хором подхватили бедняки, — он помогает нам и любит нас. Он не может быть вором!

Но Гвоздик не хотел причинять неприятностей своим друзьям: он отстранил их и выступил вперёд.

— Вот я, — сказал он, — я добровольно сдаюсь в ваши руки, но повторяю: я не виновен!

Перлина, как на пружинке, выскочила из домика-сундука.

— Если вы арестуете Гвоздика, арестуйте меня тоже!

Но Гвоздик шепнул ей на ухо:

— Нет, ты беги и расскажи обо всём папе Пилукке. Он в цирке, в городе. . .

— Хорошо! — ответила Перлина. Мужество снова вернулось к ней, и она на прощанье крепко обняла своего друга.

Когда Гвоздика увели, Бамбо и остальные бедняки окружили Перлину.

— Мы поможем тебе скорее попасть в город. — Они тут же соорудили самокат. Перлина вскочила на него, закричала: «Ду-ду-ду!» — подражая пожарной машине, и покатила в город к папе Пилукке.

Можете себе представить, как изумились все актёры, когда с молниеносной быстротой в цирк на самокате неожиданно въехала Перлина.

Мы уже говорили, что без Гвоздика всё в цирке пришло в упадок. Ридарелло непрерывно плакал, и, конечно, это никому не было смешно; у Нуволино и Нуволетты сердце отяжелело от печали, и они не могли больше летать по воздуху; Ромпиколло и лилипуты были так огорчены, что у них не хватило духу работать. Даже львы — ведь они по-своему тоже любили Гвоздика — похудели от тоски. Они ненавидели Мустаккио и бастовали, не желая ничего делать без своего любимого укротителя.

Появление Перлины подействовало на всех как электрический ток; папа Пилукка бросился целовать её, словно родную дочь, а остальные окружили её и забросали вопросами:

— А где же Гвоздик? Где ты его оставила?

Когда они узнали, что случилось, то громко разрыдались, и даже у самого директора выступили на глазах слёзы.

Только Оп-ля, очень смущённая, стояла в стороне.

— Слезами горю не поможешь, — сказала Перлина. — Для того, чтобы Гвоздика оправдали, надо найти настоящего вора.

Но как это сделать? Где найти его?

Пилукка задумался на минутку, а потом заявил:

— Я скажу, что я украл кассу, тогда моего сыночка отпустят на волю.

Это было так трогательно, что Оп-ля, которая не могла больше спать по ночам от угрызений совести, вдруг закричала:

— Виноваты во всём я и Мустаккио. Это он спрятал кассу в фургон Гвоздика, а меня заставил молчать... Гвоздик не должен расплачиваться за преступление, которого не совершил!

На минуту все онемели от изумления, потом Ридарелло крикнул:

— Смотрите, Мустаккио убегает!

В один момент все набросились на Мустаккио, и десять рук так крепко схватили его, что он не мог больше двинуться с места.

акованный в цепи Гвоздик предстал перед судом. Судьи, в париках, закутанные в судейские тоги, дремали в мягких креслах.

Прищулив глаз и удерживая зевоту, председатель спросил:

— В чём обвиняется подсудимый?

— Этот человек украл кассу цирка! — гаркнул в ответ Дальновидный. — Осудите его!

От такого крика председатель окончательно проснулся, почесал себе голову под париком и спросил:

— Как, разве эта «штука» — человек? Я никогда ещё не видел таких людей.

— По-моему, это машина. . . — осмелился произнести секретарь, водрузив себе на нос пару огромных очков.

Но прокурор — он считал себя великим учёным — перелистал толстую книгу, с которой никогда не расставался, и с уверенностью заявил:

— Ничего подобного! Это просто закоренелый преступник. А что значит закоренелый? Это значит затвердевший, как моль, крепкий, как железо. А что такое железный преступник? В книгах ясно сказано: это человек, которого надо посадить в железную клетку, то есть в тюрьму!

Гвоздик готов был расхохотаться, но мысль, что он без всякой вины может попасть в тюрьму, удержала его от смеха.

— Я невиновен! — закричал он своим пронзительным голосом. — И потом, у меня нет мозолей!

— Как? Обвиняемый смеет противоречить мне! — подскокил прокурор. — Я олицетворяю собой правосудие и, следовательно, не могу ошибаться. Значит, обвиняемый лжёт. А раз он лжёт, то он не виновен, а виновен! Итак, согласно статье 512, 32/ABC $3 \times 8 = 24$, он должен быть осуждён!

Председатель, человек с очень добрым сердцем, не хотел огорчать прокурора, которому в этот день ещё не удалось обвинить ни одного подсудимого.

«Ладно, — подумал он, — доставлю ему, прокурору, удовольствие! А потом, если мы быстро решим дело, можно будет уйти домой спать...»

И он объявил:

— Хорошо, осудим этого преступника; но куда мы заключим его? В тюрьму нельзя, потому что тюрьма создана для людей из плоти и крови. Можно, конечно, поместить его в зверинец, например в клетку обезьян или к слону...

В эту минуту двери суда распахнулись и, лёгкий на помине, в зал вошёл слон. На спине у него восседали Пилукка, Перлина и лилипуты, а в хоботе он крепко держал Мустаккио.

За ними следовали все артисты, во главе с директором цирка.

Судьи так испугались, что не могли даже бежать, а Перлина бросилась обнимать Гвоздика.

— Настоящий преступник — Мустаккио! — закричала она. — Это он украл кассу!

Мустаккио пришлось ещё раз повторить своё признание перед судьями, и его сейчас же посадили на место Гвоздика.

Прокурор не протестовал: главное, чтобы кто-то был осуждён, а кто именно, — не важно.

Инспектор Дальновидный, стараясь исправить глупое положение, в которое он попал, разразился следующей фразой:

— Тут должен быть преступник, я сразу понял; и если это не Гвоздик, то, значит, Мустаккио.

Оп-ля, смущённая, стояла в стороне, держась за руку своего отца, директора цирка; но напрасно она боялась — друзья решили простить её, ведь она только что во всём чисто-сердечно раскаялась.

После так удачно проведённого инспектором Дальновидным следствия цирк в полном составе (конечно, кроме бывшего укротителя, осуждённого на пожизненное заключение) покинул зал суда.

— Гвоздик, цирк на грани разорения, — сказал директор, — и все твои друзья не сегодня-завтра останутся без куска хлеба. Только ты можешь спасти нас.

Гвоздик не заставил себя просить дважды, и не успело его, столь хорошо известное публике, имя появиться на афишах, как цирк опять заполнили толпы восторженных зрителей.

Папа Пилукка и Перлина, сидя на почётных местах, так аплодировали Гвоздику, что даже содрали себе кожу с ладоней, а он после каждого номера посылал им воздушный поцелуй своими железными пальцами.

Первое, же представление поправило дела цирка, но Гвоздик дал ещё много представлений подряд, — так ему приятно

было помогать своим друзьям актёрам. И даже Оп-ля излечилась от зависти и от всей души аплодировала железному мальчику.

КОНЕЦ

ГЛАВЛЕНИЕ

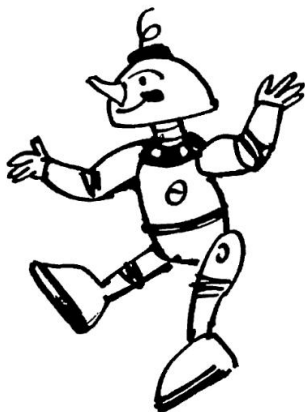
Часть первая

ЖЕЛЕЗНЫЙ СЫН ПРОФЕССОРА ПИЛУККИ

Глава	I. в которой Гвоздик появляется на свет	7
Глава	II. Гвоздику хочется быть красивым	10
Глава	III. Детей у родителей не отнимают!	13
Глава	IV. Непобедимый чемпион Спакканазо остаётся с разбитым носом	16
Глава	V. Гвоздик не сдаётся	19
Глава	VI. И железный мальчик может плакать	22
Глава	VII. Гвоздик в больнице	25
Глава	VIII. Лучший доктор — папа Пилукка	28
Глава	IX. Гвоздик знакомится с Перлиной	30
Глава	X. Бедняки тоже должны есть	34
Глава	XI. Старуха хоронит Гвоздика	38
Глава	XII. Друзья спасают Гвоздика	41
Глава	XIII. Горькие слёзы Перлины и сладость дружбы	45
Глава	XIV. Письмо от папы Пилукки	47
Глава	XV. Дорожное приключение или стальная кукла	51
Глава	XVI. Гвоздик сквозь решётку обнимает папу Пилукку	54
Глава	XVII. Бегство	57
Глава	XVIII. Даже у танков есть сердце	59
Глава	XIX. Электрический ток делает чудеса, но...	62
Глава	XX. Дурные последствия электричества	66
Глава	XXI. Золотое сердце Гвоздика	68
Глава	XXII. По следам слёз, кажущихся бриллиантами	70

ГВОЗДИК В ЦИРКЕ

Глава	I. Гвоздик становится злым, когда его золотое сердце перестаёт биться	77
Глава	II. Гвоздик отправляется на поиски Перлины	78
Глава	III. Гвоздик не находит в цирке Перлину, зато находит работу	81
Глава	IV, в которой очень кратко говорится о Перлине	87
Глава	V. Гвоздик пытается стать жонглёром, канатоходцем, воздушным гимнастом, но в конце концов становится униформистом	88
Глава	VI. Враг Гвоздика — Мустакио	93
Глава	VII. Синьоры, представление начинается!	97
Глава	VIII, где снова очень кратко говорится о Перлине	100
Глава	IX. Заговор удаётся, и Гвоздика увольняют из цирка	101
Глава	X. Укротитель львов бьётся мышей!	104
Глава	XI. Гвоздик в клетке со львами	107
Глава	XII. Гвоздик становится знаменитым, но остаётся печальным	110
Глава	XIII. Миледи говорит: «Ах, какой ужас!» — глава быстро кончается и Перлина остаётся печальной	114
Глава	XIV. Гость, упавший с неба	115
Глава	XV. О том, как Гвоздик помог Ридарелло	120
Глава	XVI. Наконец-то и на долю Перлины выпадает большая радость и длинная-предлинная глава	122
Глава	XVII. Шайка Тек-Тек	127
Глава	XVIII. Прогулка кончается плохо	129
Глава	XIX. Во власти коварного доктора Каппы	132
Глава	XX. Пилука выступает против Каппы и «Теле-Гвоздик» — против «Спи и действуй!»	134
Глава	XXI, о том, как в банке произошла драка почище, чем в любом приключенческом кинофильме	137
Глава	XXII. Инспектор Дальновидный не видит дальше своего носа	140
Глава	XXIII. Гвоздик, скрываясь от Дальновидного, заболевает. Перлина старается вылечить своего друга и тоже сильно заболевает	144
Глава	XXIV. Нищий с рыжими усами	148
Глава	XXV. Арест Гвоздика	151
Глава	XXVI. Суд, приговор и счастливый конец	153

МАРЧЕЛЛО АРДЖИЛЛИ,
ГАБРИЭЛЛА ПАРКА

**П Р И К Л Ю Ч Е Н И Я
Г В О З Д И К А**

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова.

Художник-редактор Ю. Н. Киселев.

Технический редактор Н. М. Сусленникова.

Корректоры А. К. Петрова и Л. К. Маляво.

Подписано к набору 15/IV 1960 г. Подписано
к печати 6/VII 1960 г. Формат 70 × 92¹/₁₆. Печ.
л. 10. Усл. п. л. 11,67. Уч.-изд. л. 9,01. Тираж
115 000 экз. Ленинградское отделение Детгиза.
Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6.
Заказ № 79. Цена 4 р. 15 к. С 1/I-61 г. цена 41 к.
2-я фабрика детской книги Детгиза Министер-
ства просвещения РСФСР
Ленинград, 2-я Советская, 7.

4 р 15 к.

с 1/1 1961 г.

цена 41 к.